

Н·К·МИХАЙЛОВСКІЙ

И

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ 70-х год

Изданіе книжнаго магазина „Наша Жизнь“.
Литейный, 32, телефонъ 68-14.

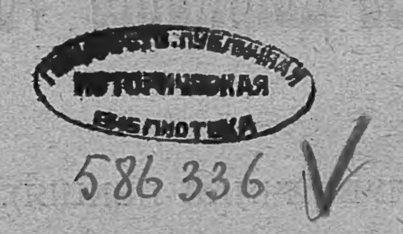
Б. КОВАРСКІЙ.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ
и
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ 70-хъ ГОДОВЪ.

(ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

Типографія „Печатный Трудъ“, Спб., Надеждинская, 38.

Посвящается

Лидіи Антоновнѣ

Домбровской.

Н. К. Михайловскій и общественное движеніе 70-хъ годовъ.

ВВЕДЕНІЕ.

„Выростаютъ люди, благодаря какимъ-то неизвѣстнымъ условіямъ, соединяющіе въ себѣ качества нужныя для уразумѣнія Правды во всемъ ея объемѣ“.

Н. К. Михайловскій.

«Писатель только тогда станетъ вполнѣ ясенъ, когда вы не довольствуясь отвлеченной его оцѣнкой вдвинете его въ историческій процессъ и уразумѣете многочисленныя и многообразныя его связи съ жизнью»—это требованіе, существенно-важное въ отношеніи многихъ писателей, представляетъ прямую необходимость при оцѣнкѣ Н. К. Михайловскаго, бывшаго безсильнымъ, или вѣрнѣе, не желавшаго оградить свои даже отвлеченныя соціологическія писанія отъ вторженія текущей жизни, признававшаго своимъ долгомъ трактовать «въ перемежку» о правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости, о правдѣ теоретическаго неба и практической земли. «Среди самаго процесса этой теоретической работы, привлекала меня къ себѣ своей яркой и шумной пестротой, всей своей плотью и ровью житейская практика дня, и я бросалъ высоты те-

оріи, чтобы черезъ нѣсколько времени опять къ нимъ вернуться и опять бросить“*)—такими словами покойный писатель опредѣлилъ характеръ своей литературной дѣятельности.

И въ этомъ отношеніи весьма характерно, что въ первомъ изданіи своихъ сочиненій Н. К. Михайловскій рядомъ со философско-соціологической статьей «Что такое прогрессъ“ помѣстилъ полу-беллетристическую, полупублицистическую статью «Въ перемежку», мотивируя это «странное сосѣдство» тѣмъ, что въ нихъ усмотрятъ «внутреннее единство»... **). Этого „внутренняго единства“ не замѣчали, или вѣрнѣе, не хотѣли замѣтить нѣкоторые критики, указывавшіе,—одни съ презрительнымъ возмущеніемъ, другіе съ снисходительной насмѣшкой, на совмѣщеніе въ работахъ Н. К. Михайловскаго «областей принципіально различныхъ»—науки и публицистики.

«Онъ былъ философомъ въ публицистикѣ и публицистомъ въ философіи»,—укоризненно отмѣчаетъ Н. Бердяевъ; у него «есть склонность къ публицистической наукѣ (вмѣсто научной публицистики, т. е. публицистики, исходящей изъ научныхъ положеній. Б. К.) и публицистической философіи» ***).

«Это, конечно, недопустимо“—назидательно примѣчаетъ авторъ статьи. Почему?—тому слѣдуетъ пунктъ: „противопоставлять наукѣ публицистику—нельзя»

Эта логическая нелѣпость противопоставленія не можетъ быть, однако, поставлена въ вину Н. К. Михайловскому, ибо оно плодъ непониманія, осложненнаго полетомъ фантазіи. Противопоставлялъ Н. К. публицистикѣ—

*) Собр. соч. т. I. Предисловіе.

**) „Литературныя воспоминанія и современная смута“, т. I, стр. 45.

***) Н. Бердяевъ: „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“, стр. 216.

ложную науку, науку «ученыхъ людей»; *истинную* же, науку „профановъ" онъ соединялъ съ публицистикой, синтезируя ихъ въ своей «Системѣ Правды», опирающейся на данныя науки и прилагающія ихъ къ жизни.

Любопытно отмѣтить, что самъ Н. К., въ отвѣтъ автору «Мнимой соціологіи»—Л. З. Слонимскому, въ характеристикѣ нѣкоторыхъ собственныхъ трудовъ, примѣнилъ выраженіе «публицистическая соціологія», не видя въ этомъ названіи ничего обиднаго для себя *по существу*— „Когда чисто - теоретическая статья, уже изрѣзанная разными публицистическими отступленіями, все-таки не вмѣщала въ себѣ всего, что меня оскорбляло или радовало въ текущей жизни, я начиналъ, рядомъ съ ней, другія статьи уже прямо публицистическія»... *).

Нельзя отрицать, что это фактическое совмѣщеніе науки и публицистики, чисто - теоретическихъ статей съ многочисленными публицистическими выпадами вредило работамъ Михайловскаго въ отношеніи систематизаціи и внѣшней стройности; не отрицалось это и самимъ Н. К. И только жизнь, съ ея пестрымъ шумомъ текущаго дня, съ ея слезами, «проклятыми вопросами» и сомнѣніями, которые приходилось разрѣшать Н. К., исключала для него возможность «надѣть мундиръ соотвѣтствующаго вѣдомства», «распредѣлить матеріалъ по предметамъ и исключить все лишнее»... Жизнь выдвигала много «страшнаго, изъ слезъ и крови слитого» и философское обобщеніе и соціологическая теорема прерывались разрѣшеніемъ, откликомъ на самые разнообразные запросы дня, «ради водворенія все той же правды, которая, какъ солнце, должна отражаться и въ безбрежномъ океанѣ отвлеченной мысли и въ малѣйшихъ капляхъ пота, крови и слезъ, проливаемыхъ сію же минуту» **).

*) Н. К. М. „Лит. восп...", т. I.

**) Соб. соч. т. I. Предисловіе, изд. 1896—7 г.

Отсюда путаница всѣхъ вѣдомствъ... Это смущало и нервировало старчески-немощныхъ критиковъ, но влекло молодыя дѣйственныя силы...

Ихъ практическая дѣятельность находила теоретическое обоснованіе въ трудахъ Н. К. Михайловскаго; они давали руководящую нить для того, чтобы разбираться во тьмѣ жизненныхъ противорѣчій, чтобы стать на твердый путь и «благородную житейскую практику, самые высокіе нравственные и общественные идеалы» не дѣлать обидно-безсильными «отворачиваніемъ отъ науки, истины».

«Безболѣзненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то время охранять правду субъективную—такова задача всей моей жизни...» *).

Нелегка была эта задача... Руководствуясь ею, приходилось въ анализѣ сложныхъ общественныхъ явленій слѣдить за правильнымъ распредѣленіемъ тѣней и свѣта, выдѣлять шуйцу отъ десницы, бороться одновременно противъ стремленій части интеллигенціи спасти общественный идеалъ путемъ отворачиванія отъ непріятной истины, и противъ попытокъ поднять голый фактъ на степень незыблемаго принципа. Это, почти инстинктивное, стремленіе къ упрощенію дѣйствительности, сведеніе сложныхъ проблемъ общественности къ простымъ и элементарнымъ, путемъ закрыванія глазъ на реальный ходъ вещей, тенденція приспособленія къ данному уровню народнаго самосознанія подкрашиваніемъ сознательно выработанныхъ идеаловъ подъ цвѣтъ «мнѣній», замѣна идеаловъ «идолами»—находило рѣзкаго противника въ критическомъ народничествѣ Н. К. Михайловскаго.

Этимъ объясняется то странное на первый взглядъ обстоятельство, что покойный писатель, являясь по общему признанію «властителемъ думъ» народнической

*) Собр. соч. Т. I. Предисл.

интеллигенціи 70-хъ годовъ, не раздѣлялъ воззрѣній ни одной изъ ея отдѣльныхъ группъ вполнѣ. «Мнѣнія Михайловскаго революціонеры очень добивались, къ его взглядамъ они сильно прислушивались. Но «своимъ», въ узкомъ смыслѣ этого слова, ни одной фракціи, за исключеніемъ развѣ «Народной Воли», его назвать было невозможно» *). И даже въ особенно острые моменты, въ сгущавшейся атмосферѣ борьбы, когда по свидѣтельству Н. Русанова, самолично пережившаго эту полосу, въ поискахъ отвѣта на «проклятые вопросы» чуть не каждая изъ статей Михайловскаго служила предметомъ оживленныхъ обсужденій и разбиралась чуть не по слову; когда каждая изъ враждующихъ фракцій «находила въ немъ рядъ идей, наиболѣе соотвѣтствовавшихъ ея міровоззрѣнію, и всячески старалась вытягивать эти идейныя нити сходства до возможно далекихъ предѣловъ, чтобы имѣть возможность видѣть въ знаменитомъ публицистѣ подлиннаго выразителя своихъ взглядовъ»... **). Усилія даже и тогда оказывались тщетными,—нити рвались...

И тѣмъ не менѣе, Михайловскій оставался чуткимъ выразителемъ и обоснователемъ историческихъ стремленій интеллигенціи—«учителемъ жизни». Эта роль опредѣлилась замѣчательной широтой мысли, рѣдкой синтетической способностью, позволявшей Михайловскому, примиряя и гармонизируя разногласія, освѣщать передъ интеллигенціей конечныя цѣли, общія начала, заслонявшіяся расхожденіями въ частностяхъ. Силой обобщающей мысли игнорированіе «мнѣній» народа (Ткачевъ), «идолопоклонство» передъ ними (Юзовъ и П. Червинскій) замѣнялось формулой: «интересы народа»; примирялась нелѣпая тяжба «ума-пропаганды» и «чувства-агитаціи» лавристовъ и

---

*) Н. Русановъ. „Политика“ Н. К. Михайловскаго“—„Былое“ 1907 г., кн. III.

**) „Былое“, 1907 г., кн. III.

бакунистовъ, устранялся вредный дуализмъ «политики» и «экономики» въ высшемъ синтезѣ «Земли и Воли»... Всѣмъ этимъ исключалась вредная односторонность, то «суздальское» отношеніе къ явленіямъ, которое пыталось разорвать Правду на двѣ половинки, въ своей разобщенности одинаково безсильныя.

Это-то непрестанное противодѣйствіе «злосчастному стремленію разорвать Правду пополамъ, дикое, нелѣпое, ничѣмъ логически неоправдываемое», не позволяло Михайловскому стать всецѣло идеологомъ какой-либо народнической фракціи, налѣпить на себя одинъ изъ ходячихъ ярлыковъ. Въ связи съ этимъ, Михайловскій не только не примыкалъ всецѣло къ какой либо изъ народническихъ фракцій, но даже отклонялъ отъ себя, на страницахъ «Русскаго Богатства», названіе представителя «народничества» вообще, предложеннаго ему г. Мережковскимъ *).

Каково же то воззрѣніе, которое обосновывалъ и защищалъ Михайловскій, какъ опредѣляется его отношеніе къ народничеству?—отвѣтомъ на поставленный вопросъ должна послужить статья.

Предвосхищая выводъ, мы можемъ теперь же указать, что нашъ отвѣтъ не будетъ имѣть ничего общаго съ формулой, утверждающей или отрицающей принадлежность Н. К. Михайловскаго къ народническому направленію мысли, ибо такое опредѣленіе литературнаго облика Н. К. не могло бы дать надлежащаго о немъ представленія... «Разговоръ—замѣчаетъ Михайловскій—**) о народничествѣ и народникахъ представляетъ, между прочимъ, то важное неудобство, что вы, собственно, никогда не знаете съ кѣмъ имѣете дѣло»...

Лучшей иллюстраціей означенной мысли можетъ слу-

---

*) „Лит. восп. и совр. см.“, т. II, стр. 53.
**) „Лит. восп. и совр. см.“, т. II, стр. 175.

жить эволюція пройденная г. А. Скабичевскимъ въ опредѣленіи народничества въ различныхъ изданіяхъ «Исторія новѣйшей литературы», отмѣченная еще Михайловскимъ. Въ двухъ первыхъ изданіяхъ книги г. Скабичевскій, характеризуя литературный обликъ Евгенія Маркова, пишетъ, что, въ противоположность Боборыкину, Ев. Марковъ смотритъ на русскую жизнь съ «*народнической* точки зрѣнія». Подчеркнутая народническая точка зрѣнія въ третьемъ изданіи превращается въ *русофильскую* точку зрѣнія, а въ пятомъ Евг. Марковъ зачисленъ въ лагерь либерализма. Куда этотъ «народникъ» перемѣстится въ новомъ изданіи зависитъ отъ дальнѣйшей путаницы этого понятія... Путаницы позволившей, тогда еще марксисту, П. Б. Струве квалифицировать Михайловскаго «въ своемъ смыслѣ»—народникомъ, народнику же г. Юзову-Каблицу объявить Н. К. не только марксистомъ, но и «вреднѣйшимъ изъ марксистовъ»... Эти другъ друга исключающія опредѣленія объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что каждый изъ авторовъ пытается розыскать въ «народничествѣ» какую либо специальную, особенную черту, отличающую его отъ всѣхъ остальныхъ теченій. Различія въ опредѣленіи этихъ «особыхъ признаковъ» и порождаютъ полярно - противоположные выводы. Въ «Критическихъ замѣткахъ по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» П. Б. Струве присваиваетъ названіе народничества всѣмъ тѣмъ писателямъ которымъ присуща, «правда, въ разной степени, вѣра въ возможность самобытнаго развитія Россіи». Эта чисто - отрицательная формула даетъ возможность въ одну телѣгу впречь и Н. К. Михайловскаго, и Юзова-Каблица, и В. В., и автора «Открытаго письма къ редактору «Отечественныхъ записокъ»... Карла Маркса...

Въ интересахъ правильнаго освѣщенія вопроса необходимо оставить definitio fit per genus et differentiam specificam въ народничествѣ, розыски его „особыхъ признаковъ“;

рѣшая вопросъ, опредѣляя литературный обликъ покойнаго писателя, необходимо изслѣдовать и опредѣлить не то чего *нѣтъ*, а что *есть*, что характеризуетъ его систему воззрѣній. Опредѣляя отношенія къ явленіямъ жизни и борьбы народнической интеллигенціи 70-хъ годовъ, мы вскроемъ то что есть — стройную и законченную систему воззрѣній; она опредѣлится не изложеніемъ философско-соціологическихъ взглядовъ Н. К., а обрисовкой связи „литературы и жизни", — политико - публицистическихъ взглядовъ Михайловскаго, практическаго приложенія общетеоретическихъ воззрѣній.

Избирая эпоху 70-хъ годовъ, этотъ Sturm und Drang Periode русскаго общественнаго движенія, то время, когда, по собственному выраженію Михайловскаго, онъ запасся „святыми воспоминаніями на всю жизнь", мы руководствуемся тѣмъ, что въ этой полосѣ съ особой силой сказалось вліяніе Михайловскаго при развитіи общественной мысли, выразилась его крупная роль въ формированіи идей и идеаловъ соціалистической интеллигенціи, его руководство борющейся Россіей.

Руководство борющейся Россіей. Для пониманія типа великаго публициста, для правильной оцѣнки роли Н. К. Михайловскаго и его связи съ движеніемъ своего времени, важно отмѣтить, что будучи „могучимъ возбудителемъ революціи въ умахъ" Н. К. революціонеромъ, въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, непосредственнымъ участникомъ движенія, на подобіе своего замѣчательнаго современника П. Л. Лаврова,—не былъ. „Мнѣ кажется, что назвать его революціонеромъ въ спеціальномъ смыслѣ слова, т. е. человѣкомъ, отдавшимъ себя практически революціонной дѣятельности—нельзя, не погрѣшая противъ истины и противъ пониманія самаго типа этой исключительно - крупной личности",—*), пишетъ о Михайловскомъ

*) Н. Русановъ. „Былое" 1907 г., кн. III.

Н. Русановъ, одинъ изъ близко знавшихъ его людей. Михайловскій и самъ признавалъ въ себѣ отсутствіе революціоннаго темперамента, исключавшаго для него возможность „счастья борьбы". И если иногда, въ горькую минуту, появлялось желаніе уйти отъ „настоящаго, которое сплошь не настоящее, а поддѣльное", эмигрировать заграницу и вступить на путь нелегальной дѣятельности, какъ писалъ Н. К. Михайловскій къ П. Л. Лаврову,—то это были все же только минуты: „Я не революціонеръ, всякому свое".

А „свое" было огромно по своему значенію и важности. Имъ объясняетъ Н. К. Михайловскій свой отказъ отъ предложенія П. Л. Лаврова участвовать въ организовавшемся заграницей журналѣ «Впередъ». «Мои литературныя замѣтки *) создали мнѣ положеніе, котораго я побаиваюсь, но принимаю. Ко мнѣ лично и письменно обращаются молодые люди съ изложеніемъ своихъ сомнѣній и за разрѣшеніемъ разныхъ близкихъ имъ вопросовъ. Отъ этого положенія я, во первыхъ, не откажусь ни за что въ мірѣ». Объ этомъ же съ глубокимъ радостнымъ подъемомъ, сплетеннымъ со скорбнымъ раздумьемъ о настоящемъ,—говоритъ онъ въ легальной литературѣ: «Старъ я, но молодость люблю и болитъ за нее мое старое сердце. Я помню чудныя слова: блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, въ нихъ же царство будущаго. Не будь этихъ надеждъ и ожиданій ушелъ бы я отъ всей этой мерзости, какую кругомъ себя вижу **)»... Эти надежды, молодые побѣги, «русская молодежь, которая естественно не можетъ помириться съ разрывомъ Правды пополамъ», вдохновляла писателя «на славномъ посту» его—и вдохновлялась имъ. Молодую интеллигенцію нужно было «готовить къ тому моменту, когда настанетъ время

---

*) Письмо Н. К. къ П. Л. Лаврову.—„Мин. годы" № 1, 1908 г.

**) Собр. соч. т. 4, стр. 583.

дѣйствовать» *), нужно было воспитывать твердую соціалистическую оппозицію. Эта почетная и отвѣтственная роль выпала на долю Н. К. Михайловскаго на грани 60-хъ и 70-хъ годовъ.

---

*) Письмо къ П. Л. Лаврову.

I.

„Н. К. Михайловскій явился прямой реакціей противъ крайностей и ложныхъ шаговъ Писарева, мѣсто котораго онъ занялъ, какъ „первый критикъ" и „властитель думъ" младшаго поколѣнія 60-хъ годовъ. Поколѣніе 70-хъ, глубоко проникнутое идеями альтруизма, выросло на статьяхъ Михайловскаго и считало его въ числѣ главныхъ умственныхъ вождей своихъ".

Проф. Н. Карѣевъ *). (Энц. словарь Брк. и Эфрона).

Свою литературную дѣятельность Н. К. Михайловскій началъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ, въ періодъ начавшагося отлива общественнаго движенія, въ періодъ растерянности, безвѣрія и скептицизма, охватившаго активныя силы интеллигенціи. Смѣлая и рѣшительная литература, отмѣтившая яркую полосу между концомъ Крымской войны и срединой 60-хъ годовъ, безбоязненно констатировавшая факты дѣйствительной жизни, разбивавшая

---

*) Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить свою искреннюю признательность, ознакомившемуся съ моей статьей проф. Н. И. Карѣеву за сдѣланныя имъ замѣчанія.

иллюзіи и фикціи; литература снимавшая маски съ застарѣлыхъ предразсудковъ и установившихся идей, добиравшаяся во всемъ до реальныхъ основъ явленій, лежала поверженная въ прахъ объективно-слагающимся ходомъ вещей. То было время, когда литература перестала быть «органомъ возмущенной общественной совѣсти», когда вслѣдъ за движеніемъ, вызваннымъ освобожденіемъ крестьянъ общенародное дѣло перестало служить объединяющимъ началомъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ. Свершившаяся реформа пугала однихъ своей рѣзкостью, вызывала горечь въ другихъ своей половинчатостью, неопредѣленностью, противорѣчивостью.

Пути рѣзко разошлись. Незадолго еще близкіе, по одушевляющимъ ихъ идеямъ, элементы развернули враждебныя знамена.

Къ исторической жизни пріобщался, создаваемый самимъ процессомъ развитія, новый классъ, шедшій «невѣдомыми путями», еще только зарождавшійся, но уже предчувствуемый—шелъ «Чумазый», русская буржуазія. Эта «катящаяся лавина европейской цивилизаціи» приводила въ смятеніе, создавала панику, мѣшавшую какъ призывать такъ, и въ равной мѣрѣ, протестовать противъ ея появленія.

«Матеріальное и политическое развитіе, на путь котораго мы вступаемъ, будетъ полезно и выгодно только извѣстному классу общества, а народу не только не поможетъ, но даже поставитъ его въ положеніе худшее». (Н. К. Михайловскій).

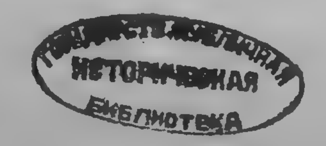
Надвигающаяся опасность вызывала растерянность, сумбуръ, создавала неустойчивое равновѣсіе въ активныхъ группахъ интеллигенціи. Соціалистическая оппозиція едва лишь формировалась; слабая и разобщенная она была безсильна вмѣшаться въ стихійный ходъ слагающихся событій въ интересахъ направленія его въ сторону сознательныхъ идеаловъ. Тоскливое сознаніе отсутствія какого бы

то ни было приложенія силъ, оторванность отъ обще-народнаго дѣла вызывали нарожденіе сектантски-настроенныхъ группъ, повернувшихся спиной къ общественному дѣлу, продолжавшихъ по традиціи выработку индивидуальной морали личнаго самосовершенствованія. Путь велъ въ «глухой переулокъ», по выраженію Н. К. Михайловскаго, болѣе того: онъ велъ къ образованію «собакевичей нигилизма» (выраженіе Герцена), исказившихъ и изуродовавшихъ формулы дѣятелей первой половины 60-хъ годовъ.

Въ своей статьѣ «Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ», Н. К. Михайловскій образно выразилъ ихъ пришествіе: «Какъ волны морскія, отхлынувъ отъ берега, оставляютъ на немъ рыбъ, молюсковъ, которымъ предстоитъ умереть внѣ родной стихіи, такъ и волны нашего общественнаго движенія, отхлынувъ оставили на берегу краткія и грубыя формулы, которыя сами по себѣ, безъ оживляющаго насъ духа, мертвы»... Пришли люди, не мучившіеся надъ ихъ выработкой, не знающіе ихъ цѣны, не имѣющіе той внутренней гарантіи, которая не допускала бы практическаго паденія, не смотря на односторонность теоретическихъ положеній. Эти «пришлые люди», исказивъ завѣщанныя «мыслящими реалистами» формулы, навѣсивъ на нихъ «всевозможныя грязныя поползновенія, всяческую нечисть», усиливъ и углубивъ заключавшіяся въ нихъ противорѣчія до крайнихъ степеней,—запутались въ нихъ безповоротно. Въ свѣтѣ новыхъ представленій, общественныя стремленія признавались противорѣчащими интересамъ личности. Этическія положенія находили санкцію въ ихъ «естественности», фактъ возводился въ принципъ, индивидуализмъ превращался въ эгоцентризмъ.

Въ интересахъ истины должно быть отмѣчено, что въ этихъ искаженіяхъ повинны не только эпигоны 60-хъ годовъ—нигилисты, что «ошибка въ перспективѣ фактовъ»,—

2

по мягкому выраженію Н. К.,—принадлежитъ родоначальнику. «Нигилизмъ—по мысли г. Иванова-Разумника—лишь reductio ad absurdum всѣхъ крайностей ультра-индивидуализма Писарева» *). Эмансипація личности, провозглашенная освободительной эпохой 60-хъ годовъ, на первыхъ порахъ, въ періодъ новизны и увлеченія, получила искаженное выраженіе; въ этотъ періодъ ошибочные шаги и крайности замѣны истиннаго индивидуализма характеризуютъ «властителя думъ». Первая полоса (1861—63 гг.) дѣятельности Писарева, опредѣлившаяся статьями «Аполоній Тіанскій», «Схоластика XIX в.», «Базаровъ», характеризуется ультра-индивидуализмомъ, съ высоты котораго отрицались идеалы, теоріи, цѣли,— эти яко-бы тормазы на пути развитія человѣческой личности; въ силу котораго провозглашалось, что «жизнь есть процессъ и только процессъ". «Впереди никакой высокой цѣли, въ умѣ никакого высокаго помысла и при всемъ томъ силы огромныя» — восторженное привѣтствіе Базарову со стороны ультра-индивидуалистическихъ воззрѣній. И только за рѣшеткой апологія эгоизма начинаетъ у Писарева смѣняться истиннымъ индивидуализмомъ, признающимъ необходимость «синтезировать личность съ обществомъ, личную пользу съ общественной» («Реалисты»), принимающихъ ихъ какъ два взаимно-дополнительныхъ фактора. На ряду съ этимъ идетъ возстановленіе идеаловъ и цѣлей, признаніе необходимости для «мыслящаго реалиста» работать надъ разрѣшеніемъ вопроса о «голодныхъ и раздѣтыхъ».—Ультра-индивидуализмъ смѣняется соціологическимъ индивидуализмомъ, оставивъ однако на немъ свой губительный слѣдъ. Онъ выразился въ пониманіи Писаревымъ путей реализаціи блага «голодныхъ и раз-

*) Интересующихся развитіемъ этой мысли мы отсылаемъ къ работѣ г. Иванова-Разумника: „Исторія русской общественной мысли", т. I, изъ которой заимствуемъ нѣкоторые выводы.

дѣтыхъ»: «въ приматѣ индивидуальной нравственности надъ соціальными идеями». Соціальный идеалъ воплощался въ ростѣ «мыслящаго пролетаріата»; общественная дѣятельность выражалась въ «кружковщинѣ»; прогрессъ выводился прямо изъ личнаго самосовершенствованія и сводился, такимъ образомъ, къ количественному размноженію носителей идеала. Эти «идиллическія предположенія» ярко высказывались Писаревымъ: «Умная и развитая личность—пишетъ онъ въ «Реалистахъ»—сама того не замѣчая, дѣйствуетъ на все, что съ ней соприкасается; ея мысли, ея занятія, ея гуманное обращеніе, ея спокойная твердость — все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутины... Если предполагаемая свѣтлая личность дастъ, такимъ образомъ, обществу двухъ - трехъ молодыхъ работниковъ... то, неужели вы скажете, что она ровно ничего не сдѣлала для облегченія перехода къ лучшимъ идеямъ и къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни. Мнѣ кажется, что она сдѣлала въ малыхъ размѣрахъ то, что дѣлаютъ въ большихъ размѣрахъ великія историческія личности *). Этимъ опредѣлялась возможность игнорировать «тѣ подвалы общественнаго зданія, въ которыхъ не проникаетъ ни одинъ лучъ обще-человѣческой мысли». «Что же намъ дѣлать съ этими подвалами?—Покуда приходится оставить ихъ въ покоѣ и обратиться къ явленіямъ умственнаго труда **).

Такимъ образомъ, «мыслящему пролетаріату» отрѣзывался путь къ цѣлесообразной общественной дѣятельности, какъ-бы ни высоки были его стремленія». Отсюда коренное противорѣчіе: столкновеніе соціологическаго индивидуализма съ этическимъ анти-индивидуализмомъ.

*) Цит. по „Исторіи новѣйшей литературы“ А. Скабичевскаго, стр. 102.

**) Тамъ-же, стр. 102.

Эволюція, пройденная Писаревымъ въ сферѣ эстетики,—отъ признанія законности эстетическихъ эмоцій къ ихъ отрицанію во имя «идеи общей пользы и общечеловѣческой солидарности»,—углубила этическій анти-индивидуализмъ анти-индивидуализмомъ эстетическимъ.

Этихъ противорѣчій своего міросозерцанія не примирилъ безвременно погибшій Писаревъ.

«Изъ мертвой зыби индивидуализма и анти-индивидуализма Писареву не было спасенія—и онъ утонулъ», по образному выраженію г. Иванова-Разумника.

Эта мысль, однако, должна приниматься съ значительными ограниченіями. Дѣло въ томъ, что эти *теоретическія* противорѣчія въ періодъ подъема общественнаго движенія не выступали съ рѣзкой опредѣленностью, что люди, совмѣщавшіе въ себѣ «открытый реализмъ» со «скрытыми идеалами», «обладали внутренней гарантіей», которая не допускала практическаго паденія. Отрицая въ теоріи идеалы въ началѣ своей литературной дѣятельности, Писаревъ въ жизненной дѣятельности являлся глубоко идеалистической натурой; ниспровергая принципы—онъ никогда не впадалъ въ безпринципность, противникъ аскетизма—онъ лучшіе годы своей жизни провелъ въ заточеніи.

Н. К. Михайловскій, лично пережившій «много ломки, страданій и внутренней борьбы изъ-за этого разлада», видитъ въ немъ коллизію теоріи и практики, ума и сердца: «Мы были несомнѣнно идеалисты—пишетъ онъ — ... но мы были вмѣстѣ съ тѣмъ такъ напуганы чудовищной ложью стараго идеализма, что боялись не только словъ «идеалъ», «идеализмъ», «идеализація», но даже соотвѣтствующихъ понятій. Мы гордились не идеализмомъ своимъ, а реализмомъ, безстрашіемъ передъ фактами низкихъ истинъ, и старались, главнымъ образомъ, его выставить на первый планъ, даже отрицаясь всяческаго идеализма, хотя *нашъ иде-*

ализмъ и нашъ реализмъ представляли только двѣ различныя, но равно законныя стороны одного и того же міросозерцанія» *) (курсивъ нашъ. Б, К.), и—прибавляетъ Н. К. въ другомъ мѣстѣ:—«Подчасъ страшной внутренней ломки стоило намъ прикидываться яко-бы реалистами, смѣяться надъ тѣмъ, что намъ въ сущности было дорого и стыдиться того, чѣмъ мы имѣли бы право гордиться» **). Въ связи съ этимъ, яко-бы реалистическія формулы: «любовь—есть половое влеченіе», «жертва—есть сапоги въ смятку», «нравственное все, что естественно» и т. д. противорѣчили собственнымъ чувствамъ и стремленіямъ, не покрывали психическаго содержанія ихъ носителей.—«Болѣе чѣмъ кто либо мы были готовы приносить всевозможныя жертвы»...

Общественное движеніе завершилось... Пришелъ періодъ затишья, настала «нравственно-растлѣнная эпоха», эпоха «собакевичей нигилизма». Эпигоны, лишенные общественнаго дѣла, начали «додѣлывать, передѣлывать и раздѣлывать эфемириды» Писарева, въ эту критическую минуту, предоставленные самимъ себѣ, внѣ помощи литературы, безсильной въ то время «взять полный аккордъ». Уединенныя отъ процесса ихъ выработки, формулы получили у «пришлыхъ людей» узко-утилитарный смыслъ. «Идеалистическій натурализмъ» (выраженіе Михайловскаго) они замѣнили трезвенностью, исключавшей идеалистическія начала, принципомъ законосообразности историческихъ явленій прикрыли свой общественный индифферентизмъ: «признавая историческимъ закономъ смѣну акцій и реакцій... не считаемъ нужнымъ прать противъ рожна». Эти обращенія произошли въ различныхъ сферахъ: «Мы реалисты, а такъ какъ съ точки

*) Собр. сочин. изд. 1897 г., т. IV—„Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ", стр. 38.

**) Тамъ-же, стр. 37.

зрѣнія реализма нравственно то, что естественно, то мы, повинуясь естественной борьбѣ за существованіе, признаемъ нравственнымъ давить слабыхъ и неприспособленныхъ. Мы реалисты, а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма жертва есть сапоги въ смятку, то мы живемъ единственно ради своей утробы» *),—нѣсколько утрировано излагалъ Н. К. ихъ взгляды.

Путаница и сумбуръ шли и дальше.

Они нашли свое выраженіе и въ лучшей части представителей писаревщины. Являясь крайними послѣдователями воззрѣній Писарева перваго періода съ его ультраиндивидуализмомъ, сокрущающимъ идеалы, цѣли и теоріи для вящшаго торжества личнаго начала, эпигоны—и это замѣчательный «парадоксъ 60-хъ годовъ»—ухитрились совмѣстить его съ ясно выраженнымъ анти-индивидуализмомъ. Послѣднее опредѣлялось увлеченіемъ естественными науками, догматизированіемъ дарвинизма, изъ котораго скоро стали дѣлать этическіе и соціологическіе выводы. Борьба за существованіе, какъ біологическій фактъ, безъ долгихъ размышленій была объявлена закономъ соціальной жизни; выживаніе сильныхъ и гибель слабыхъ — его неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. Отсюда провозглашеніе цѣнности вида и малое значеніе индивида.

Такимъ образомъ, сугубое возвеличеніе личности шло рука объ руку съ рѣзкимъ ея приниженіемъ.

На Н. К. Михайловскаго легла трудная задача разрѣшенія противорѣчій въ которыхъ запуталась интеллигэнція конца 60-хъ годовъ въ разрѣшеніи вопроса о взаимоотношеніи личнаго и общественнаго начала; задача соглашенія этихъ началъ, выработки руководящаго принципа общественной дѣятельности, разъясненія интеллигенціи ея исторической миссіи и вдохновеннаго призыва

---

*) Тамъ-же, стр. 41.

къ ея выполненію. *) Сочетавъ «моральные и интеллектуальные интересы высоко-развитой индивидуальности» «съ матеріальными интересами трудящихся массъ»,—какъ говорится въ одномъ адресѣ,—«идеальное царство будущаго» и «защиту конкретныхъ интересовъ труда въ настоящемъ»—Н. К. Михайловскій, уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности, далъ разрѣшеніе сложной проблемы взаимоотношенія личности и общества. Уже первой крупной статьей своей («Что такое прогрессъ»—1869 г.),—выдвинувшей ея автора въ первые ряды литературы,—Н. К. Михайловскій давалъ современной ему интеллигенціи руководящее начало для того, чтобы разбираться въ жизненныхъ противорѣчіяхъ, общій принципъ, направлявшій въ опредѣленную сторону и связывавшій различные взгляды въ одно стройное цѣлое. Выдвинутая «формула прогресса», удовлетворяя теоретическимъ потребностямъ, давала одновременно указанія, слѣдуя которымъ общественные дѣятели могли осуществлять благо народа. Правда,—какъ указываетъ проф. Овсянико-Куликовскій—«эти указанія не были практическими, не заключали въ себѣ ничего программнаго» **), но тѣмъ не менѣе они облегчали трудный процессъ уясненія стоявшихъ передъ интеллигенціей задачъ и выработки программы практической дѣятельности:

«Передъ нами смутно обрисовывался какой-то океанъ идей, океанъ темный, на которомъ торчали отдѣльные, ничѣмъ не связанные островки»,—могла сказать молодая интеллигенція, словами одного привѣтственнаго адреса: «однажды... мы прочли статью «Что такое прогрессъ»... Какое потрясающее впечатлѣніе произвела на насъ

---

*) Послѣдующая часть главы, съ нѣкоторыми измѣненіями, была уже нами напечатана въ день 5-ти лѣтней годовщины смерти Н. К. Михайловскаго („Нижегор. Листокъ“, 1909 г., 28 янв.).

**) Овсянико-Куликовскій: „Исторія русской интеллигенціи“, т. II, стр. 222.

статья, какъ она много освѣтила яркимъ свѣтомъ, какой толчокъ дала работѣ мысли... данъ былъ абрисъ міросозерцанія, дана была руководящая нить разбираться во тьмѣ и противорѣчіяхъ» *).

Эта руководящая нить заключалась въ признаніи человѣка средоточіемъ жизни (въ субъективно-антропоцентрическомъ смыслѣ), въ провозглашеніи борьбы со всѣми теоріями, игнорирующими либо принижающими начало личности, въ требованіи расширенія формулы жизни человѣческой «индивидуальности», въ выставленіи непреложнаго императива практической дѣятельности—борьбы за нее противъ посягательствъ «индивидуальностей» высшаго порядка, «какими бы пышными словами онѣ не назывались».

Въ рядѣ статей («Что такое прогрессъ», «Дарвинизмъ и общественная наука», «Борьба за индивидуальность») Н. К. устанавливалъ антагонизмъ *эволюціи* общества, совершающейся по органическому типу, и, въ связи съ этимъ стремящуюся поглотить человѣческую индивидуальность, раздробить личность, превратить индивида въ органъ—и *прогрессъ* личности. «Повинуясь закону борьбы»—доказывалъ Михайловскій — личность должна подчинять себѣ, какъ цѣлому, входящія въ ея составъ низшія индивидуальности, противодѣйствуя, одновременно, приложенію даннаго девиза къ себѣ самой. «Личность никогда не должна быть принесена въ жертву; она свята и неприкосновенна» **)—утверждалъ Н. К., *въ противовѣсъ эпигонамъ Писарева.* Въ частности, этическіе и соціологическіе выводы, дѣлаемые писаревщиной изъ началъ дарвинизма (конкурренція въ обществѣ является творческимъ началомъ, такъ какъ въ pendant къ выживанію наиболѣе совершенныхъ въ біологической борьбѣ за существованіе ведетъ къ про-

*) Цит. по ст. А. Пѣшехонова: „Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи“.

**) Собр. соч. т. IV, „Письма о правдѣ и неправдѣ“, стр. 452.

грессу) подверглись уничтожающей критикѣ Михайловскаго, признававшаго цѣнными лишь аналогіи заключенныя въ предѣлахъ явленій управляемыхъ одними и тѣми же законами, и отрицавшимъ ихъ «законность» и научность между явленіями низшаго порядка и спеціальнымъ остаткомъ (въ приложеніи дарвинизма къ соціологіи: остатка біологическаго и соціологическаго).

Такимъ образомъ, наносился рѣшительный ударъ писаревщинѣ въ части ея анти-индивидуалистическихъ воззрѣній, жертвовавшей интересами личности для торжества высшей «идеальной» индивидуальности—общества.

Развивая свои теоретическія положенія въ приложеніи къ «политическимъ темамъ», къ вопросамъ волновавшимъ интеллигенцію въ ея практической дѣятельности, при установленіи взаимоотношеній личности и общества, Михайловскій въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ», рѣшительно, безъ колебаній заявлялъ: «Всякіе общественные союзы, какія бы громкія или предвзято-симпатичныя для васъ названія они не носили, имѣютъ только относительную цѣну. Они должны быть дороги для васъ поскольку они способствуютъ развитію личности, охраняютъ ее отъ страданій, расширяютъ сферу ея наслажденій» *). Въ связи съ этимъ, должны быть сняты со своихъ пьедесталовъ лозунги «общаго дѣла», «общественной пользы», ибо подъ этими флагами провозится контрабанда. Всѣ усилія ума должно приложить къ тому, чтобы съ тщательностью слѣдить за судьбами и интересами личности и «становиться на ту сторону, гдѣ она можетъ восторжествовать». Яркій индивидуализмъ, проникающій изложенныя воззрѣнія, при поверхностномъ взглядѣ, при маломъ знакомствѣ съ ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ, способенъ породить недоразумѣнія; защита личнаго начала можетъ быть принята за проповѣдь эгоцентризма, истинный ин-

*) Собр. соч. IV т., стр. 451.

дивидуализмъ смѣшанъ съ ультра-индивидуализмомъ писаревщины. Съ этими недоумѣніями среди молодой интеллигенціи въ развитіи своихъ положеній приходилось сталкиваться Михайловскому. «Можетъ быть—пишетъ онъ—*) вы скажете: проповѣдь эгоизма, теорія личнаго благополучія. Намъ этого не нужно». «Нѣтъ, вамъ это нужно»...—утверждалъ Н. К., защищая свою теорію, краеугольнымъ камнемъ, которой являлась личность.

Останавливаясь на воззрѣніяхъ пророка утилитаризма, Михайловскій рѣзко отграничиваетъ свои понятія о личномъ началѣ съ понятіями апологета «системы свободы и порядка»—Бентамомъ. «Эгоизмъ эгоизму рознь и словъ пугаться не слѣдуетъ».

Утверждая, что единственный руководитель человѣка личный интересъ, побуждающій искать наслажденій и бѣжать страданій—и только, Бентамъ устанавливаетъ, что всякая нравственность лишь помогаетъ человѣку въ «сложныхъ расчетахъ кредита наслажденій и дебета страданій» и что нравственныя теоріи, основывающіяся на началахъ симпатіи или на аскетизмѣ уклоняются по недоразумѣнію, что въ ихъ основѣ покоится тотъ же, но лишь скрытый эгоизмъ.

Противъ этого центральнаго положенія направляется критика Михайловскаго, устанавливающаго, что Бентамъ «подставилъ въ своей теоріи, вмѣсто человѣческой природы, природу современнаго англійскаго буржуа». Обращая вниманіе читателей на критику аскетическихъ ученій Михайловскій останавливается передъ вопросомъ: исчерпывается ли—согласно воззрѣніямъ Бентама—мотивами личнаго интереса и личной пользы источники аскетизма? Ссылаясь на «личный опытъ» интеллигенція въ періодъ разрѣшенія вопроса «какъ жить свято»?, Михайловскій напоминаетъ напряженно выраженное «сознательное отреченіе отъ на-

---

*) Тамъ же, стр. 453.

слажденія» и «прямой позывъ къ страданію». «Вы урѣзываете свой бюджетъ наслажденій, прямо ищете лишеній и совершаете это не въ видахъ чужого одобренія, награды, а въ силу лишь одного личнаго внутренняго побужденія». Здѣсь именно «личное начало и торжествуетъ». Такимъ образомъ, личный интересъ, въ пониманіи Михайловскаго, нисколько не противорѣчитъ служенію общественной пользѣ, не противорѣчитъ ни самоотверженію, ни сознательному возложенію на себя страданій. Болѣе того: личный интересъ диктуетъ необходимость «дѣлать благое дѣло среди царящаго зла», обязываетъ личность къ общественному служенію во имя борьбы съ мрачными и тѣневыми сторонами жизни, ибо «только этимъ путемъ можетъ возстановиться миръ въ душѣ человѣка», создаться внутреннее примиреніе. Признавая необходимость и обязательность для личности выработки соціальныхъ идей и идеаловъ и служенія имъ, Н. К. настаиваетъ, однако, на «относительной цѣнѣ» всякихъ общественныхъ дѣлъ. Общественное служеніе, самоотверженіе должно являться не болѣе, «какъ одной изъ формъ личнаго интереса». Для выясненія этой мысли, Н. К. противополагаетъ «практическіе» и «идеальные» типы, способные одинаково къ самопожертвованію. Различіе ихъ опредѣляется между «поддержаніемъ наличныхъ общественныхъ порядковъ» и борьбой за общественный идеалъ, въ которомъ начало личности найдетъ свое полное торжество. «Практическій типъ», сростаясь съ обстановкой въ которой онъ живетъ, свое общественное служеніе видитъ въ поддержкѣ status-quo, въ чемъ бы онъ ни состоялъ; его личный интересъ, до извѣстной степени, отожествляется съ интересомъ того цѣлаго, который даетъ ему обстановка. Такой типъ можетъ всю свою жизнь проводить въ самопожертвованіи, «нести бремя жизни, какъ теленокъ отпаиваемый на убой, какъ почтовая лошадь, загоняемая фельдъ-егеромъ». Отъ самопожертвованія такого типа, сопровождаемаго глубокимъ

униженіемъ личности, Михайловскій рѣшительно отклоняетъ интеллигенцію: «вы не пристанете къ ихъ хору». Другой характеръ личнаго интереса и иное самоотверженіе выставлялъ Н. К. передъ интеллигенціей: самоотверженіе должно совмѣстить личное и общественное начало въ одномъ высшемъ синтезѣ—личномъ интересѣ «идеальнаго типа». Этотъ «идеальный типъ» откажется въ одинаковой мѣрѣ, какъ отъ роли почтовой лошади такъ и отъ роли фельдъ-егеря, и личный интересъ будетъ укладывать не въ существующую общественную систему, а «въ общественный идеалъ, въ тотъ, именно, гдѣ личность свята и неприкосновенна». «Никогда не унизитъ онъ своей личности, по крайней мѣрѣ, будетъ бороться противъ униженія до послѣдней возможности, пробуя разнообразныя комбинаціи и, можетъ быть, погибнетъ въ омутѣ практической жизни. Онъ наложитъ на себя обязанности даже очень тяжелыя, но наложитъ ихъ самъ; общественный идеалъ его сложится на основаніи идеала личнаго» *).

Однако, сложность и подчасъ крайняя запутанность вопросовъ жизни требовала установленія критерія, который давалъ бы возможность выдѣлить изъ общей совокупности фактовъ тѣ, которые, дѣйствительно, служили бы интересамъ личности, равно какъ и тѣ, которые имъ способны вредить.

Установленіе этого руководящаго начала, составляющаго центръ міровоззрѣнія Михайловскаго и его величайшую заслугу, явившагося—по замѣчанію г. Иванова-Разумника—«наиболѣе законченной, наиболѣе замѣчательной попыткой рѣшенія проблемы индивидуализма во всей русской литературѣ XIX вѣка» **)—былъ выраженъ въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» ***) въ видѣ краткой фор-

*) Тамъ же, стр. 459.
**) Ивановъ-Разумникъ „Ист. русс.-общ. мысли" т. II. стр. 100.
***) Тамъ же, стр. 450.

мулы. «Вмѣсто интересовъ личности вы поставите интересы народа, или точнѣе интересы труда». «Оправданіе» для такой постановки вопроса было дано Н. К. Михайловскимъ въ рядѣ его позднѣйшихъ статей. На развитіи въ нихъ этой формулы мы остановимся болѣе подробно при изложеніи взглядовъ на «народъ» соціалистовъ-пропагандистовъ, полностью принявшихъ формулу Н. К.

«Интересы личности» въ этой формулѣ при поправкахъ и дополненіяхъ, при дальнѣйшей конкретизаціи, для «практическаго обихода», превращались въ «интересы труда», такъ какъ трудъ, сознательный, «цѣлесообразный расходъ силъ» является аттрибутомъ, который присущъ личности, и не зависитъ «ни отъ какихъ случайныхъ опредѣленій. При дальнѣйшемъ отвлеченіи «интересы труда» превращались въ интересы его носителей—въ «интересы народа».

Интересы личности—интересы труда—интересы народа, какъ экономической категоріи—вотъ соціологическая формула, явившаяся для интеллигенціи спасительнымъ маякамъ на пути къ общечеловѣческому идеалу; формула, синтезировавшая начало личности и общества, личную нравственность и соціальные идеалы, устранившая сумятицу анти-и ультра-индивидуализма писаревщины.

Съ высоты провозглашеннаго принципа сбрасывались со своихъ пьедесталовъ обветшалые кумиры «наука для науки, «искусство для искусства», «богатства для богатства»; всѣ эти отвлеченныя категоріи видоизмѣнялись, приспособляясь къ потребностямъ и нуждамъ живой личности, къ служенію интересамъ народа-«профана». Элементы жизни сливались въ одно настоящее, гармоническое цѣлое, въ идеальное исканіе «полноты и красочности жизни личности», въ признаніе одинаковой законности говорить о «женской ласкѣ» и о томъ, что «жить такъ хочется» и о красотѣ звѣздъ и цвѣтовъ... и страстнымъ

обѣщаніемъ быть «псомъ сторожевымъ» своей родины *). «Развѣ нельзя служить истинѣ и справедливости и въ то же время любоваться красотой звѣздъ и цвѣтовъ.—писалъ Михайловскій... пусть все живое живетъ, и пусть живетъ во всю». Этотъ теоретическій девизъ (правда, урѣзываемый всей тяжестью царящаго общественнаго зла)—яркое выраженіе индивидуализма семидесятыхъ годовъ,—наносилъ послѣдній ударъ этическому анти-индивидуализму 60-хъ годовъ, съ его подчеркнутымъ анти-эстетизмомъ. Искусство получало свое законное признаніе и, совлеченное со своихъ заоблачныхъ высотъ («искусство для искусства»), надлежало оцѣнкѣ нѣкоей высшей инстанціи: интересовъ «профана». Служеніе этому высшему началу не исключало работы личной нравственности, не давая въ то же время замыкаться въ ней, искать «себя въ себѣ». «Сосредоточиться на вопросѣ личной чистоты **)—писалъ Михайловскій, не взирая на условія при которыхъ приходится этимъ заниматься большая радость для всѣхъ скорбныхъ главой и лицемѣровъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что бы идеалы личной нравственности были послѣднимъ или даже вторымъ дѣломъ... Странная вещь... Неужто у людей головы такъ узки, что не могутъ вмѣстить въ себя единовременно двухъ элементовъ, ни мало другъ другу не противорѣчащихъ и часто другъ другу помогающихъ».

Разрушалась теорія личнаго самосовершенствованія, дотягивающая свою безсильную пѣснь, намѣчались паралельныя задачи служенія личности и обществу, возстановлялись поруганные писаревщиной идеалы и цѣли, получила свое законное мѣсто теорія...

Передъ интеллигенціей ясно была поставлена задача,

---

*) Соб. соч., VI т., 616 стр.

**) Собр. соч., V т., „Записки Современника“ (1881—82 г.), стр. 516.

намѣчены перспективы служенія народу: «Служа этому народу, по преимуществу, вы не служите никакой привилегіи, никакому исключительному интересу,—вы служите просто труду, слѣдовательно, между прочимъ, и самимъ себѣ, если вы, вообще, чему нибудь служите» *).

«Интересы труда—«общечеловѣческій идеалъ»—(«болѣе обще-человѣческаго идеала не сыщешь, ибо гдѣ человѣкъ, тамъ и трудъ»—VI т. стр. 490) стали лозунгомъ возрождавшейся интеллигенціи, съ вдохновеніемъ прозелитовъ, вступившихъ, осѣненные «Системой Правды», на тернистый путь борцовъ...

---

*) Соб. соч., т. I-й, стр. 659.

II.

Соціалистическое движеніе, вспыхнувшее въ Россіи на грани 60-хъ и 70-годовъ, какъ результатъ положенія въ которомъ находилась страна, разсматриваемаго сквозь призму «интересовъ труда», въ своей первоначальной фазѣ опредѣлялась чисто-нравственными мотивами. Центральной идеей, на которой базировалась вся дѣятельность, было представленіе о революціонно-соціалистической работѣ, какъ о служеніи народу, диктовавшееся необходимостью «снять съ себя отвѣтственность за кровавую цѣну своего развитія», какъ формулировалъ ее П. Л. Лавровъ, въ настольной книгѣ молодежи того времени,—«Историческихъ Письмахъ». Исходная точка идей первоначальныхъ кружковъ, объединявшихъ немногочисленные ряды соціалистическихъ піонеровъ, — соціализмъ опредѣлялся этическимъ побужденіемъ: протестомъ противъ угнетеннаго положенія трудящихся массъ, выступленіемъ въ защиту его правъ. Движеніе—по словамъ Л. Шишко, непосредственнаго его участника—«неизбѣжно обусловливалось его основными внутренними стимулами: дѣло шло о служеніи народному благу».

... Сложна и отвѣтственна была задача соціалистическихъ піонеровъ; предстояло перенести много испытаній, побороть рядъ трудностей, создаваемыхъ общественнымъ индифферентизмомъ и пассивностью, проложить «новые

пути», обаяніемъ новой идеи возбудить вниманіе, моральной красотой ея носителей привлечь сердца, вызвать живыя симпатіи общества...

Политическое ренегатство В. Кельсіева—«жертвы новой русской исторіи», кѣмъ объявили отступника возликовавшіе реакціонеры, явилось первымъ испытаніемъ, вызвавъ смятеніе среди едва начавшейся формироваться соціалистической оппозиціи. Въ лицѣ отступника, аффишировавшаго свой разрывъ съ увлеченіями юности, публично осмѣивавшаго старыхъ боговъ,—революціи и соціализму наносился моральный ударъ. Создавалась необходимость поднять нравственный престижъ движенія, параллизовать невыгодное впечатлѣніе, вызванное отступничествомъ «въ обществѣ». Эту роль защитника соціалистическихъ идей взялъ на себя Н. К. Михайловскій, выступившій со своей первой статьей въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Жертва старой русской исторіи» (статья явилась передѣлкой второго «Письма о русской интеллигенціи», предназначавшейся для книжки «Современнаго Обозрѣнія») *). Съ отличающей всю его послѣдующую литературную дѣятельность глубиной и вдумчивостью, Н. К. Михайловскій подошелъ къ личности ренегата, возбудившей къ себѣ шумный интересъ общества. Оригинальнымъ угломъ зрѣнія, съ котораго въ статьѣ разсматривался вопросъ, любопытнымъ психологическимъ анализомъ типа В. Кельсіева статья приковала вниманіе; чуткость и углубленность съ которой трактовался вопросъ, проникающая статью горечь и боль за «несчастнаго человѣка», которому авторъ статьи не отказывалъ въ своемъ условномъ уваженіи, позволяли читателямъ принять выводъ автора, по которому это политическое ренегатство явилось плодомъ *старой* русской исторіи, и ея герой—жертвой ея.

---

*) „Литературныя воспоминанія и современная смута". Т. I, стр. 69.

Начать съ того, что ни самый фактъ отступничества, ни тѣ специальныя обстоятельства, въ которыхъ онъ произошелъ не вызвали въ Н. К. Михайловскомъ рѣзкаго и рѣшительнаго осужденія. Болѣе того: въ «Воспоминаніяхъ и путевыхъ письмахъ» В. Кельсіева, Н. К. усмотрѣлъ выраженіе «полнѣйшей искренности», способность «цѣликомъ и беззавѣтно» предаваться идеѣ, увлекающійся и энергичный темпераментъ, не позволяющій отдѣлять слово отъ дѣла, «глубокую честность», позволявшую говорить объ условномъ уваженіи. Подобная оцѣнка со стороны радикально-настроеннаго писателя для своего времени была новой и оригинальной. «Суздальски» настроенные обличители (въ родѣ Минаева изъ «Недѣли») обрушились на автора статьи, находя ее слишкомъ мягкой и серьезной по отношенію къ ренегату, къ которому нужно относиться «круто», безъ послабленія. Н. К. Михайловскій же, въ противовѣсъ этимъ требованіямъ, вдался въ «психологическія тонкости», по насмѣшливому опредѣленію критиковъ.

Это гуманное отношеніе и опредѣлило успѣхъ статьи Михайловскаго, благодаря которой фактъ, долженствовавшій послужить къ ущербу движенія, послужилъ едва ли не къ его возвеличенію...

Человѣкъ, бывшій 9-ть лѣтъ эмигрантомъ, ведшій самую дѣятельную революціонную пропаганду, замѣшанный въ множествѣ политическихъ дѣлъ, возвращается въ Россію, получаетъ помилованіе, съ «необыкновенною, почти наивною развязностью" отрекается отъ всего своего прошлаго... Психическая суть, опредѣлившая эту бурную, богатую самыми экстра-ординарными приключеніями жизнь В. Кельсіева,—не могла не привлечь вниманія Н. К. Оставляя точку зрѣнія литературной, общественной и политической партіи, Н. К. смотритъ на Кельсіева съ точки зрѣнія психолога. Анализируя условія, въ которыхъ формировался характеръ Кельсіева, воздѣйствіе окружающихъ

соціальныхъ условій, воспитаніе, вліяніе литературы, Михайловскій приходитъ къ выводу, что «всѣ умственныя силы его концентрировались, какъ въ фокусѣ,—въ воображеніи... что фантастическая закваска легла въ основаніе его умственнаго склада» *). Эти качества опредѣлили все его будущее: изученіе восточныхъ языковъ, главнымъ образомъ, изъ стремленія къ загадочному и таинственному, замѣнившееся жаждой военной славы и безсознательнымъ патріотизмомъ; покаяніе и отреченіе отъ патріотизма и увлеченіе западничествомъ и нигилизмомъ, къ которому онъ добирается «путемъ фантазіи, а не анализа»—таковы этапы его пути: смѣна очарованій и разочарованій. Не имѣя твердой опоры, научной подготовки, стоя цѣликомъ въ мірѣ фантазіи, Кельсіевъ и первый свой политическій шагъ дѣлаетъ случайно, почти безсознательно: «такое время было, такимъ духомъ вѣяло»,—объясняетъ онъ начало своей политической карьеры.

Противъ этого утвержденія обрушивается уничтожающая критика Н. К. Мих.: «Въ его эмигранствѣ повинны совсѣмъ не то время и совсѣмъ не тотъ воздухъ»... Оно было продуктомъ его личной исторіи, коренившейся въ томъ добромъ, старомъ времени, которое породило сказочный міръ; «въ томъ прошедшемъ, которое уносило въ обаятельный міръ подвиговъ и путешествій; въ томъ прошедшемъ, въ которомъ такъ отвратительно переплеталось барство и рабство». Новое же время, въ противоположность старому продуктомъ котораго всецѣло явился Кельсіевъ, разбило обаятельный міръ лжи; «потребность трезвыхъ взглядовъ, дѣйствительно, носилась въ воздухѣ и ими опредѣлился духъ времени». Оставшись въ мірѣ своей фантазіи, сохранивъ старую сущность, Кельсіевъ сдѣлался героемъ во имя новыхъ идей, которыя „еще не пережилъ, не переварилъ, даже хорошенько не передумалъ». И не жаждой

*) Собр. соч. Т. IV „Жертва старой русской исторіи“, стр. 11.

«правдоискательства»—этой типической психологической чертой «новыхъ людей»—объясняетъ Н. К. политическую карьеру Кельсіева, а «жаждой сильныхъ ощущеній, ради сильныхъ ощущеній», желаніемъ поскорѣе осуществить свою завѣтную мечту «облечься въ грандіозный костюмъ революціоннаго дѣятеля»... фантастическая закваска сказалась въ желаніи надѣть «эмигрантскія эполеты».

«Нѣтъ, г. Кельсіевъ—приходитъ къ выводу Н. К.—духъ времени въ вашемъ дѣлѣ ни при чемъ. Вы жертва не новой русской исторіи, какъ вамъ теперь кажется, а старой».

Этой блестящей статьей Михайловскій демонстрировалъ передъ общественнымъ мнѣніемъ плоды «старой исторіи», на фонѣ которой, по закону контрастовъ, выдѣлились свѣтлыя черты новой исторіи, новыхъ идей растущей соціалистической силы...

Свѣтлыя черты... Онѣ не исключали и нѣкоторыхъ отрицательныхъ и темныхъ, широко использовать которыя всегда пыталась реакція. [illegible].

Къ такой страницѣ русскаго общественнаго движенія мы подходимъ. Дѣло идетъ о Нечаевскомъ процессѣ, воспользовавшись которымъ власти стремились нанести рѣшительный ударъ неокрѣпшему соціалистическому движенію, поставивъ ему въ вину то, что явилось спеціальнымъ грѣхомъ нечаевщины, къ которой сама соціалистическая интеллигенція отнеслась съ рѣзкимъ осужденіемъ. На заговоръ Нечаева она смотрѣла, какъ на скорбный эпизодъ, идущій въ разрѣзъ съ традиціями усвоенными русскими борцами; во главѣ его видѣла преданнаго фанатика «сообщничество съ которымъ можетъ быть только гибельно для всѣхъ» (М. Бакунинъ); въ средствахъ обмана, мистификаціи и лжи, къ которымъ прибѣгалъ Нечаевъ, признаки «загрязнившагося и запутавшагося человѣка». По свидѣтельству Л. Шишко, Нечаевское дѣло было: «Случайнымъ эпизодомъ въ исторіи нашего революціоннаго

движенія, вызваннымъ необычайной энергіей одного человѣка. Само по себѣ движеніе еще не было тогда достаточно подготовлено; революціонные элементы только еще накоплялись, когда на сценѣ появился необычайно сильный революціонный темпераментъ, рѣшившій создать заговоръ и сплотить людей чисто искусственными мѣрами» *).

Затѣявъ публичный процессъ, правительство надѣялось подорвать въ глазахъ общества уваженіе къ соціалистическимъ дѣятелямъ и, въ связи съ этимъ, сомкнуть вокругъ трона запуганное общество. Соціалистическому движенію, не имѣвшему за собой окрѣпшихъ симпатій общества, грозила серьезная опасность. Усугублялась она еще и выступленіемъ противъ соціалистической интеллигенціи «искалѣченнаго каторгой и болѣзнью» Ѳ. Достоевскаго, съ его злонамѣренными «шипящими рѣчами», въ которыхъ, воспользовавшись нечаевскимъ дѣломъ, онъ обрушился на соціалистическихъ дѣятелей всѣми «возможными орудіями пытки, какія только находились въ арсеналѣ его богатой своей болѣзненностью и раздражительностью фантазіи».

Въ своемъ романѣ «Бѣсы», какъ извѣстно, Достоевскій разсказываетъ исторію, по внѣшнему ходу событій и обстановкѣ, поразительно сходную съ нечаевскимъ дѣломъ: тутъ фигурируетъ и Верховенскій, путемъ ряда обмановъ, учреждающій тайное общество съ фиктивнымъ центральнымъ комитетомъ во главѣ; имѣется тутъ и нѣкій Шатовъ, котораго, подобно Иванову въ нечаевской исторіи заманиваютъ въ гротъ и убиваютъ... Эпиграфъ романа, взятый изъ Евангельскаго разсказа объ исцѣленіи бѣсноватаго, о томъ, какъ бѣсы переселяются въ стадо свиней и заставляютъ ихъ броситься въ море— давалъ руководя-

---

*) Тунъ: «Революціонное движеніе въ Россіи», примѣч. Шишко, стр. 86.

щую нить для опредѣленія отношенія ея автора. Въ концѣ романа этотъ эпиграфъ получаетъ специальное разъясненіе: видите—говоритъ Степанъ Перфильевичъ, при чтеніи разсказа объ исцѣленіи бѣса—эта точь въ точь, какъ наша Россія. Эти бѣсы, выходящіе изъ больного и входящіе въ свиней—это язвы, всѣ міазмы, всѣ нечистоты, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи». Въ «Дневникѣ Писателя», который можетъ быть разсматриваемъ какъ комментарій къ «Бѣсамъ», окончательно вскрывается отношеніе автора къ трагическому эпизоду русскаго соціалистическаго движенія.

Въ защиту его, противъ злостнаго недоброжелательства и тупого непониманія, противъ отвратительной травли—выступилъ Н. К. Михайловскій. Въ своихъ «Литературныхъ и журнальныхъ замѣткахъ 1873 г.» *), принимая брошенный вызовъ, онъ выступаетъ въ защиту высмѣиваемыхъ Ѳ. Достоевскимъ citoyens du monde civilisé опредѣленнаго лагеря, бросая вызовъ врагамъ соціалистической интеллигенціи, возлагающимъ на нее отвѣтственность за индивидуальные грѣхи Нечаевскаго дѣла, этого «во всѣхъ отношеніяхъ монстра», занимающаго въ картинѣ современной жизни мѣсто «въ качествѣ третьестепеннаго эпизода». Да и въ самомъ изображеніи этой картины, Михайловскій, на ряду «съ фотографической скрупулезностью» въ нѣкоторыхъ частяхъ, усматриваетъ «фантастическое содержаніе», благодаря непродуманности и непрочувствованности образовъ «новыхъ людей», «придавленныхъ идеями обязательно изобрѣтенными для нихъ авторомъ». Полное непониманіе типа «новыхъ людей» обнаруживается у Достоевскаго въ утвержденіи рѣшительнаго разрыва «народной правды» и идеаловъ соціалистическихъ работниковъ. Противъ этого пункта обрушивается

*) Собр. соч. Т. I

Н. К. со всей силой своей критики. Въ отвѣтъ на слова Достоевскаго, что у интеллигенціи «истлѣли послѣдніе корни, расшатались послѣднія связи съ русской почвой и съ русской правдой», Михайловскій указываетъ, что: «ухватившись за печальное, ошибочное и преступное исключеніе—Нечаевское дѣло, онъ просмотрѣлъ общую и здоровую основу движенія».

«Если бы вы ближе познакомились съ позоримымъ вами соціализмомъ—говоритъ Н. К.—вы убѣдились бы, что онъ совпадаетъ съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, элементами народной русской правды».

Въ рядѣ послѣдующихъ статей эта мысль нашла свое убѣдительное выраженіе. Въ нихъ Михайловскій устанавливалъ, что правильно понятые интересы народа, въ ихъ логическомъ завершеніи, ведутъ къ свѣтлому идеалу, составляющему предметъ борьбы и работы интеллигенціи, которая сознала свой долгъ передъ народомъ и морально обязана его уплатить. «На извѣстной ступени развитія, человѣкъ не можетъ не содрагаться при мысли о томъ количествѣ жизней, которое оплатило собой его личное развитіе... Для насъ этимъ стремленіемъ даже измѣряется высота развитія человѣка». И публично заявляя о своемъ вступленіи въ кадры борющейся соціалистической интеллигенціи, Михайловскій, съ глубокимъ подъемомъ чувствъ, выливаетъ свой отвѣтъ Достоевскому въ яркую тираду:

«Мы—я говорю «мы», потому что вмѣняю себѣ въ честь стоять въ рядахъ этихъ citoyen'овъ; мы поняли, что сознаніе обще-человѣческихъ идеаловъ далось намъ благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Мы пришли

къ мысли, что мы должники народа. Можетъ быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрно нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности... долгъ лежитъ на нашей совѣсти и мы его отдать желаемъ... Если бы въ знали, какъ мучительно напрягается иной разъ мысль, взвѣшивая способы погашенія долга *).

Этимъ погашеніемъ долга окрасилась цѣлая полоса русской общественности, когда люди съ «совѣстью хрустальной чистоты» шли къ кредиторамъ для того, чтобы сказать имъ, что они кредиторы, и когда Н. К. Михайловскому выпала завидная и отвѣтственная роль надъ «молодыми, веселыми и брызжущими волнами жизни» зажечь «яркую радугу идеала».

---

*) Собр. соч. Т. I., стр. 868—72.

ГЛАВА III.

> „Не встаетъ надъ поверхностью русской жизни ни одного крупнаго явленія въ области духа; кажется, что все спитъ или умерло. А между тѣмъ, въ этой тишинѣ, въ этомъ кажущемся безмолвіи и снѣ, по песчинкѣ, по кровинкѣ, медленно, не слышно перестраивается на новый ладъ запуганная, забитая и забывшая себя русская душа,—а главное, перестраивается во имя самой строгой правды“.
>
> *Глѣбъ Успенскій*

Это было въ «безумное лѣто» 1874 года, въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ моментовъ попытокъ русской души «перестраиваться во имя самой строгой правды», когда соціалистическое движеніе, выйдя изъ «кабинетовъ и мастерскихъ» разлилось широкой полосой «хожденія въ народъ», поднимая мѣстами обыденный строй жизни «чуть ли не до уровня первыхъ христіанъ». Это было время, когда пробудившійся голосъ «уязвленной совѣсти» пронесся по всей странѣ, призывая къ «уплатѣ долга», когда «разладъ совѣсти съ жизнью», «заболѣваніе сущей правдой» вызывали въ чуткихъ душахъ сложную гамму чувствъ тоски и негодованія за прошлую жизнь.

Люди различныхъ положеній, возрастовъ, состояній и

ранговъ разрывали все со своимъ старымъ складомъ жизни, хоронили свое спокойное прошлое, чтобы вступить на путь жертвъ и страданій... «Чувство *личной* отвѣтственности за свое *общественное* положеніе», сокращеніе личнаго бюджета во имя счастья народнаго—являлось типической чертой этого періода движенія... Однако, общественно-психологическій процессъ въ его цѣломъ, указанной особенностью не исчерпывался. На ряду съ работой «уязвленной совѣсти», отказывавшейся отъ собственныхъ правъ, переплетаясь съ ней, шло движеніе «возмущенной чести», требовавшей ихъ для себя. «Кающійся дворянинъ» и «разночинецъ» (термины принадлежатъ Н. К. Мих.)—явились представителями этихъ двухъ теченій.

Н. К. Михайловскій, лично переживш ій этотъ періодъ, (переходомъ отъ одной группы въ другую опредѣлилась его психологическая эволюція въ срединѣ 70-хъ годовъ) даетъ въ своемъ полу-публицистическомъ и полу-беллетристическомъ произведеніи въ «Въ Перемежку»—этой глубоко-трогательной исповѣди «кающагося дворянина»,—глубокій анализъ этого, породившаго двѣ указанныя группы, общественно-психологическаго процесса.

Онъ создался экономическимъ и идеологическимъ факторомъ, одновременно: «чисто матеріальной непреоборимой невозможностью для людей не поступать извѣстнымъ образомъ и силой духовной, сознаніемъ правоты, справедливости такого образа дѣйствій»; измѣненіемъ «орловскаго пейзажа» и голосомъ проснувшейся совѣсти. Въ связи съ этимъ, на арену общественной жизни всплыли эти двѣ группы: «разночинецъ» изъ низовъ, и «кающійся дворянинъ» изъ вершинъ соціальной пирамиды. Паденіе крѣпостничества, обнаружившаяся въ свѣтѣ свободной критики бездна ужасающихъ позорныхъ явленій вызвали, въ наиболѣе чуткихъ представителяхъ привилегированныхъ классовъ сознаніе своихъ обязанностей и отвѣтственности передъ народной массой; появилась непреодо-

лимая потребность «самообруганія, самонаказанія, покаянія». Эта самообличительная струя скоро, однако, замерла, отбросивъ большинство «рыцарей на часъ» въ сторону соціальныхъ идей, выражающихъ ихъ классовую сущность; свою власть сохранила она лишь надъ группами, продолжавшими мучиться старой душевной болью за свое общественное положеніе. «Кающійся дворянинъ» видѣлъ «сѣятеля и хранителя» русской земли—крестьянина, подавленнаго тяжестью окружающихъ его условій, безмолвнаго раба, забитаго, униженнаго—проникался сознаніемъ своей привилегированности; охваченный угрызеніями совѣсти, онъ стремился наложить на себя «эпитемію и всячески урѣзать свой жизненный бюджетъ». Въ стремленіи «заморить грызущаго его червяка», онъ отказывается отъ всего, что способно увеличить его долгъ; болѣе того: онъ ищетъ лишеній, жизненныхъ невзгодъ, готовъ принять всякія оскорбленія, «даже до мученическаго вѣнца». Совершенно въ другомъ положеніи оказывалась другая группа—разночинцы. Имъ не въ чемъ было каяться; выйдя, въ большинствѣ случаевъ, изъ народа, пережившн и испытавши на себѣ всѣ тяготы, они вооружались противъ силъ ихъ наложившихъ, они требовали правъ у отнявшихъ, они горѣли ненавистью и жаждой борьбы со *своими* недругами *и въ тоже время* съ врагами народа. Разночинца «не могло мучить сознаніе личной отвѣтственности за свое общественное положеніе»; наоборотъ: признаніе *общественной* отвѣтственности за свое *личное* положеніе—являлось опредѣляющей чертой этого психологическаго типа. «Онъ отъ другихъ требовалъ покаянія». Найдя величайшую къ тому готовность со стороны «кающихся дворянъ», онъ пошелъ съ нимъ въ общемъ направленіи служенія народу.

«Интересы народа» для обѣихъ группъ были положены во главу угла общественной дѣятельности, они явились «нейтральной почвой, на которой они утвердились

мирно, одна другую пополняя» (IV т. 659 стр.) «Интересы народа» стали имъ дороги по различнымъ причинамъ: «однимъ—по близости къ народу, другимъ—по оторванности отъ него» (II-й т. 772 стр.). Объединяющая ихъ стремительная струя любви къ народу опредѣлила героическій путь этихъ «мучениковъ исторіи», вызвавшей страстную исповѣдь Н. К. Михайловскаго:

«Ахъ,—восклицалъ знаменосецъ движенія,—если бы я былъ первоклассный художникъ, еслибъ я могъ разлиться въ звукахъ, въ образахъ, краскахъ, я воспѣлъ бы васъ братья по духу, изобразилъ васъ, мученики исторіи, и изломалъ бы затѣмъ перо, рѣзецъ и кисть, потому что отвѣдавши сладкаго не захочешь горькаго»... *)

...Но горькаго пришлось испытать еще не мало, охраняя движеніе отъ гонителей «новаго Евангелія нашего времени»—соціализма, и отъ слишкомъ близорукихъ его друзей, одновременно... Утвержденіе гонителей, заявлявшихъ, что «хожденіе въ народъ» вызвало «отвращеніе въ народѣ» (Достоевскій полн. собр. соч. т. I, Письма;—цит. по Овсянниково-Куликовскому, т. II стр. 277), уподоблявшихъ его носителей «лишнимъ людямъ» (см. критику «Нови» Тургенева. Михайловскій, т. II, гл. 15), противопоставляя защиту картины, краше которой «русская жизнь представляетъ немного», Н. К. Михайловскій чутко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы новь поднималась «не поверхностно-скользящей сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ», ведя соціалистическую интеллигенцію отъ гибельныхъ путей *догматическаго* къ *критическому народничеству*, борясь часто съ узостью ея воззрѣній, съ односторонностью ея программныхъ положеній.

Въ чемъ же заключалась эта программа?

Въ самомъ общемъ видѣ, она обрисовывается въ слѣдующихъ чертахъ: соціализмъ долженъ реализоваться еди-

---

*) Собр. соч. Т. IV. „Въ Перемежку", стр. 232.

нымъ переворотомъ, задачей котораго явится единовременно экономическое и правовое освобожденіе народныхъ массъ. Соціальная революція—ближайшая очередная задача; къ ея подготовкѣ должны быть направлены усилія соціалистической интеллигенціи, на обязанности которой лежитъ освѣщеніе передъ народомъ всѣхъ явленій жизни съ точки зрѣнія соціалистическаго идеала. Въ Россіи, рѣзко отличающейся отъ Запада своими соціально-экономическими условіями, соціализмъ пріобрѣтаетъ спеціальную формулу въ отношеніи его осуществленія. Отсутствіе формъ присущихъ капиталистическому строю и вытекающей изъ него психологіи homo homini lupus est; наличность своеобразныхъ экономическихъ порядковъ—эмбріоновъ соціалистическаго строя, въ видѣ общины, уравнительныхъ передѣловъ и пр.; соотвѣтствующіе этимъ началамъ трудовые и «мірскіе» принципы, вытѣсняющіе буржуазное начало—фанатизмъ частной собственности,—облегчаютъ русскимъ соціалистамъ задачу борьбы. «Прыжокъ изъ царства необходимости въ свѣтлое царство свободы» долженъ принять въ Россіи иной характеръ.

«Соціальный вопросъ есть для насъ вопросъ первостепенный. Мы видимъ въ немъ самую важную задачу настоящаго, единственную возможность лучшаго будущаго... Для русскаго принципіальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія въ томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени—есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ», — намѣчаетъ программу дѣятельности «желающимъ прогресса отечеству» *), «Наша программа» журнала «Впередъ», издававшагося П. Л. Лавровымъ.

Въ такихъ же приблизительно чертахъ развивалъ въ легальной литературѣ Н. К. Михайловскій программу дѣятельности литературы, достойной названія «голоса об-

---

*) Цит. по кн. А. Макарова: „Наши предшественники“.

щественной совѣсти». Передъ современниками, дѣйствующими въ «интересахъ народа», лежитъ путь, указываемый наукой и «современными нравственными идеями»; онъ выдвигаетъ борьбу за соціалистическій строй: «сосредоточеніе орудій производства въ рукахъ рабочихъ—центральная задача нашей жизни» (I т. 667 стр.). Осуществляя ее соціалистическая интеллигенція должна, руководствуясь опытомъ западно-европейской исторіи, избѣжать ошибокъ, «исправленіе которыхъ теперь составляетъ тамъ заботу всѣхъ передовыхъ дѣятелей», (I т. 654 стр.). То что «составляетъ заботу передовыхъ дѣятелей Запада»—соціалистическій строй имѣетъ въ Россіи особую форму реализаціи. Она опредѣляется положеніемъ Россіи, въ которой «освобожденіе крестьянъ съ землей—цитируетъ съ сочувствіемъ Михайловскій строки изъ книги Яковлева «Ассоціація и артели»—сдѣлало Россію въ соціальномъ смыслѣ tabula rasa, на которой еще открыта возможность написать ту или другую будущность» (I т. 654 стр.). Въ виду этого, возможны двѣ «діаметрально-противоположныя программы»: одна изъ нихъ—буржуазно-капиталистическій фазисъ, которымъ стихійно пошло развитіе на Западѣ; другая—въ развитіи тѣхъ отношеній труда и собственности, которыя существуютъ въ наличности, но «въ крайне грубомъ первобытномъ видѣ». Если въ Западной Европѣ «землевладѣніе, капиталъ и трудъ отдѣлены другъ отъ друга», и рабочій вопросъ—вопросъ *революціонный*, связанный съ «экспропріаціей экспропріаторовъ», то «рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ *консервативный*, ибо тутъ требуется только сохраненіе условій труда въ рукахъ работника, гарантіи теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности».

Такъ развивалъ и обосновывалъ Н. К. Михайловскій въ легальной литературѣ завѣтныя идеи народнической интеллигенціи, указывая на ихъ долгъ соціалистической пропаганды, сообщенія народу закона «удивительно близ-

каго воззрѣніямъ крестьянъ» о томъ, что «трудъ есть источникъ и мѣрило всякой цѣнности», долгъ уясненія трудящимся ихъ интересовъ, превращенія живущаго въ нихъ «въ видѣ инстинкта» въ твердое знаніе...

Необходимо, однако, отмѣтить, что обосновывая и формулируя воззрѣнія народнической интеллигенціи Н. К. Михайловскій былъ далекъ отъ односторонности и догматизма большинства народниковъ; что положеніе объ *особомъ пути* экономическаго развитія принималось имъ, какъ одна изъ возможностей, никогда не возводившаяся въ степень незыблемаго факта, какъ *теоретическая* возможность, урѣзываніе которой *практикой Н.* К. отмѣчалъ уже въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ.

Это критическое отношеніе къ экономическимъ воззрѣніямъ народнической интеллигенціи проявлялось у Н. К. Михайловскаго и въ «политикѣ». Возлагая свои надежды на соціальный переворотъ, долженствовавшій синтезировать въ себѣ элементы «экономики» и «политики», быть одновременно направленнымъ противъ всѣхъ дирижирующихъ классовъ, народники-пропагандисты рѣшительно *отрицали политическую дѣятельность*, признавая борьбу съ наличнымъ политическимъ строемъ излишнимъ и даже вреднымъ въ отношеніи къ стоявшимъ конечнымъ идеаламъ. «Въ русской конституціонной партіи по европейскому образцу мы видимъ, вообще, своихъ прямыхъ враговъ» *)—опредѣлялъ «Впередъ» свое отношеніе къ «политикѣ». «Вопросъ политическій—говорится тамъ же—для насъ подчиненъ вопросу соціальному и въ особенности экономическому... Всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными идеалами...—все это намъ враждебно

---

*) Цит. по ст. Русанова „П. Л. Лавровъ", стр. 244 („Соціалисты Россіи и Запада").

въ своемъ основномъ строѣ и индифферентно для насъ въ своемъ проявленіи» *).

Теоретическія положенія, обусловливавшія отказъ отъ «политики», усугублялись еще отмѣченной уже нами глубоко-этической чертой, проникающей движеніе 70-хъ годовъ—чувствомъ «*личной* отвѣтственности за свое *общественное* положеніе». Испытывая его, желая искупить свою вину, уплатить свой долгъ народу, «кающіеся дворяне»—ими же окрашена вся первая половина движенія 70-хъ годовъ—выдвигали «*приматъ соціальнаго надъ политическимъ*», а также «приматъ соціальнаго надъ индивидуальнымъ» (Ивановъ-Разумникъ).

Эту сторону дѣла, съ глубокой эмоціональной силой выставилъ, самъ прошедшій черезъ полосу «кающагося дворянина», Н. К. Михайловскій. Мы приведемъ съ полностью эту яркую исповѣдь, какъ «интимнѣйшую и задушевнѣйшую» этическую черту поколѣнія 70-хъ годовъ.

«Вы смѣетесь надъ нелѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности соціальныхъ реформъ передъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете ли что она значитъ. Для обще-человѣка, для citoyen'а, для человѣка вкусившаго плодовъ обще-человѣческаго древа добра и зла не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и проч... И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этой свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы. Да будутъ они прокляты, если не только не дадутъ намъ возможности расчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ. Ахъ, г. Достоевскій, вы сами citoyen, вы знаете, что свобода вещь хорошая, что соблаз-

---

*) Цит. по брош. Макарова, стр. 10.

нительно даже мечтать о ней, соблазнительно желать ея во что бы то ни стало, для нея самой и для себя самого. Вы значитъ знаете, что гнать отъ себя эти мечты, *воздерживаться отъ прямыхъ и слѣдовательно болѣе или менѣе легкихъ шаговъ къ ней—есть нѣкоторый подвигъ искупительнаго страданія*»... (Курс. нашъ—Б. К.).

Отрицая политическую реформу и отдавая предпочтеніе соціальной, революціонно-соціалистическая интеллигенція отказывалась, такимъ образомъ, отъ усиленія своихъ правъ, какъ орудія дальнѣйшаго «грѣха», оправдывая необычайно-правильную характеристику движенія 70-хъ годовъ, сдѣланную однимъ изъ его дѣятельнѣйшихъ участниковъ: «Это движеніе не имѣло совершенно политическаго характера; скорѣе оно было крестовымъ походомъ, отличаясь характеромъ всѣхъ религіозныхъ движеній. Люди не ставили себѣ никакихъ политическихъ цѣлей, а шли въ страстномъ стремленіи нравственнаго искупленія» *).

Этотъ рѣзкій аполитизмъ народниковъ-пропагандистовъ находилъ, какъ мы указывали, противовѣсъ въ отношеніяхъ къ вопросу Н. К. Михайловскаго.

«Наше презрѣніе къ общественной «политикѣ» — пишетъ Русановъ—во имя народной «экономики» смягчается у Михайловскаго всякій разъ ограниченіемъ, выясненіемъ задачъ момента» **). Уже въ началѣ 70-хъ годовъ на ряду съ «экономикой» передъ Н. К. Михайловскимъ развертывалась «широкая и заманчивая область политическихъ и конституціонныхъ вопросовъ». Съ «вздохомъ искренняго сожалѣнія»—говоритъ Н. К., что эта область «политики» „заперта на замокъ, ключъ отъ котораго заброшенъ чуть не за тридевять земель, въ тридесятое царство». Въ

*) Степнякъ Кравчинскій: „Подпольная Россія“

**) Русановъ. Тамъ же, ст. „Михайловскій какъ публицистъ-гражданинъ“.

статьѣ 1872 г., Н. К. беретъ гипотетическій случай, когда либеральные публицисты выработаютъ систему спеціально-народнаго кредита и потребуютъ вмѣсто субсидій и гарантій крупнымъ предпринимателямъ «*государственной помощи*» въ цѣляхъ экономическихъ улучшеній народа— въ этомъ Н. К. усматриваетъ нѣкоторое «благо народа».

«Политика»—какъ видно изъ ссылокъ—въ достаточной мѣрѣ робко и нерѣшительно проскальзывала въ тогдашнихъ взглядахъ Н. К., что легко объясняется экономической конъюктурой того времени. Возможность особаго пути экономическаго развитія Россіи представлялась тогда не одной только «*теоретической* возможностью», какой она стала впослѣдствіи, а возможностью *практической*, являясь краеугольнымъ камнемъ при построеніи программы дѣятельности революціонно-соціалистическихъ силъ. При подобныхъ условіяхъ, политическая свобода, способствуя росту едва зарождавшейся буржуазіи, рисковала ухудшить шансы соціальной борьбы рабочаго класса, такъ какъ, согласно формулированному Н. К. Михайловскимъ соціологическому закону *), дѣйствующему въ пирамидальномъ обществѣ: «всевозможныя улучшенія, если онѣ направлены не непосредственно къ благу трудящихся классовъ, а къ благу цѣлаго,—ведутъ исключительно къ усиленію верхнихъ слоевъ пирамиды». Отсюда колебанія и недостаточная опредѣленность, указывающая, однако, на рѣдкое политическое чутье Н. К. Михайловскаго, сослужившее значительную роль въ дальнѣйшемъ развитіи движенія...

Въ означенное же время, заслуживаетъ вниманія выясненіе и формулировка Н. К. Михайловскимъ третьяго основоположенія въ программѣ народниковъ-пропагандистовъ—понятія «народа». Въ него Н. К. Михайловскій предлагалъ вводить въ равной мѣрѣ трудовое крестьян-

*) Собр. соч. I. т. „Литер. и жур. замѣтки 1872 г.“, стр. 830.

ство и индустріальныхъ рабочихъ, объединяя ихъ въ общихъ цѣляхъ борьбы за «интересы труда», протестуя противъ попытокъ «сшибить лбами» эти двѣ категоріи тругового народа «жизнь которыхъ въ разномъ родѣ, но одинаково темна и скудна».

Въ предшествующемъ изложеніи, мы указывали, что формула народа, какъ «совокупности трудящихся классовъ общества» стоитъ въ связи съ теоріей борьбы за индивидуальность, которой, по словамъ Н. К. въ статьѣ противъ г. Слонимскаго, *) для него «охватываются и объясняются» всѣ, когда либо его интересовавшіе соціологическій факты. Въ частности и понятіе «народа» можетъ быть уяснено лишь при приложеніи къ нему теоріи «борьбы за индивидуальность».

Человѣческая «индивидуальность»—самое высокое и святое начало на землѣ; борьба за ея гармоническое развитіе, за разцвѣтъ ея—основа этики, опредѣляющая черта дѣятельности во имя прогресса. Это отвлеченное, но ясное и простое положеніе, затемняется въ практической жизни, запутывается въ конкретныхъ явленіяхъ; критерій интересовъ человѣческой личности ведетъ часто къ недоразумѣнію, благодаря чему, провозглашеніе торжества личнаго начала обращается въ фикцію, въ торжество анти-индивидуализма. Иллюстраціей положенія можетъ послужить историческій опытъ Великой французской революціи, на который ссылается Н. К. Революція 1789 г. прошла, какъ извѣстно, подъ знаменемъ личнаго начала; выставленные лозунги égalité, liberté и fraternité—имѣли своей задачей разрушеніе обветшалыхъ формъ экономической и политической жизни во имя провозглашенія «деклараціи правъ человѣка и гражданина», въ интересахъ свободы личности. Результатъ, къ которому пришелъ этотъ опытъ, раз-

*) «Русская Мысль» 1889 г. кн. 3: «Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

рушилъ идиллическія представленія: «на дѣлѣ человѣческая личность вовсе не стала во главѣ угла новаго общественнаго зданія» *). *Формальная* свобода для всей націи предоставила *фактическую* свободу одной лишь буржуазіи, усиливъ ея политическое могущество, укрѣпивъ ея власть. Свобода народа—по выраженію Луи Блана—оказалась... свободой умирать съ голоду. Такимъ образомъ «на практикѣ не личному началу послужилъ переворотъ... вся операція ограничилась замѣною привилегіи происхожденія привилегіей богатства» **).

Отвлеченность этого руководящаго принципа,—благо реальной личности,—въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ давала себя чувствовать, порождая опасныя заблужденія: либерализмъ — этотъ типичный quasi - индивидуализмъ, привѣтствовался, какъ защитникъ «личности», богатство націи уподоблялось богатству народа и торжеству личности, являясь, въ дѣйствительности, «нищетой народа» и врагомъ личнаго начала. Въ программѣ практической дѣятельности въ Россіи, этимъ опредѣлялась необходимость «разъотвлеченія» общаго руководящаго принципа, пріисканія общественнаго элемента, служеніе которому вело бы дѣйствительно къ торжеству личности. «Поправки» и «дополненія» должны были установить коренное, непреходящее свойство личности, то въ которомъ эта личность «выражается наиболѣе ярко и полно». Разсматривая различныя категоріи человѣческихъ свойствъ, Н. К. Михайловскій послѣдовательно отвергаетъ, въ качествѣ основныхъ свойствъ личности—талантъ, богатство, происхожденіе, красоту, признавая за ними характеръ «случайныхъ аттрибутовъ личности, не изъ нея самой происходящихъ не ею самой данныхъ» (VI-й т., стр. 490). Имѣется лишь одно свойство относящееся, быть мо-

*) Собр. соч. Т V, стр. 537.
**) Тамъ же, стр. 537.

жетъ, къ личности, «какъ движеніе къ матеріи», неотдѣлимый аттрибутъ, свойство независящее «ни отъ какихъ случайныхъ опредѣленій». «Такой аттрибутъ есть трудъ, цѣлесообразное напряженіе личныхъ силъ» (VI т., стр. 489), «реальное проявленіе человѣческой личности во внѣшнемъ мірѣ» (VI т., стр. 492).

Всѣ общественные идеалы», построенные на иномъ, принципѣ какъ бы они ни были высоки, могутъ имѣть лишь второстепенное, подчиненное значеніе.

Въ интересахъ еще большей опредѣленности и ясности, на «оселкѣ практики» «интересы труда» переносятся на группу, въ которой единственнымъ объединяющимъ признакомъ является трудъ. Это—народъ. «Народъ» въ смыслѣ не націи, а совокупности трудящагося люда» (V-й т., стр. 537). Въ такой формулировкѣ, дѣятельность въ интересахъ народа гарантировала отъ служенія «какому нибудь одностороннему началу», признавая въ одинаковой мѣрѣ цѣннымъ и достойнымъ уваженія и «заботы о его интересахъ—дѣятельность педагога, химика, фабриканта, землевладѣльца, *въ качествѣ работника*». (Курс. нашъ—Б. К.).

Операція отвлеченія должна была, опредѣляя общественное положеніе лицъ и группъ, установить преобладающій элементъ жизни и дѣятельности—соотношеніе трудового и нетрудового начала. Этимъ, соціальный идеалъ народа—царство труда,—получалъ обще-человѣческій и глубоко-идеалистическій смыслъ. Для періода общественнаго движенія о которомъ идетъ рѣчь, всѣ категоріи труда количественно тонули въ трудѣ крестьянства—и лишь отчасти городскихъ рабочихъ массъ, — благодаря чему народническо-пропагандистская дѣятельность направлялась, именно, въ эту сторону, не дѣлая движенія узкоклассовымъ, а придавая ему характеръ, соотвѣтствующій соціальному развитію всего человѣчества, бьющемуся пульсу исторіи... «Служа (этому) народу, по преимуще-

ству, вы не служите никакой привилегіи, никакому исключительному интересу... *).

---

*) Собр. соч. I т., 659 стр.

ГЛАВА IV.

„Демократическій принципъ, отнюдь не въ томъ состоитъ, чтобы во всемъ вторить народу“.

Н. К. Михайловскій.

„Если интересы народа должны служить путеводной звѣздой для всякаго общественнаго дѣятеля, то отнюдь этого-же нельзя сказать о воззрѣніяхъ народа“.

Н. К. Михайловскій.

Идея интересовъ народа дала возможность Н. К. Михайловскому свободнѣе, «честнѣе и добросовѣстнѣе» отнестись къ вопросу огромной важности, расколовшему интеллигенцію семидесятыхъ годовъ на двѣ фракціи, на знамени которыхъ были начертаны два различныхъ девиза: «Мнѣнія» и «Интересы» народа.

Одна часть интеллигенціи, признавая въ народѣ соціалиста in potentia, считала необходимымъ въ своей дѣятельности исходить изъ даннаго уровня народнаго самосознанія, опираться на наличныя въ немъ воззрѣнія, симпатіи и антипатіи, требуя отъ соціалистическихъ работниковъ дѣйствій, соотвѣтствующихъ «мнѣніямъ» народа. Въ этой части народнической интеллигенціи, явленія

народной жизни à priori признавались положительными и цѣнными, неподлежащими анализу и критическому разсмотрѣнію; онѣ были, безъ исключенія, «предметомъ упоительной фантасмагоріи» *). Въ ея туманѣ заволакивались негативныя стороны народной жизни, шелъ процессъ идеализаціи наличныхъ порядковъ и воззрѣній. «И чего-чего только мы не идеализировали въ то время — вспоминаетъ Н. Русановъ — деревенскіе сходы, на которыхъ (молъ) нѣтъ ни подавляющаго большинства, ни подавляемаго меньшинства...; вольные казацкіе округи, которые въ нашемъ воображеніи охватывали истинно - демократическіе принципы прошедшаго, настоящаго и будущаго...; «трудовое начало», которое (молъ) проникаетъ всю психологію народа» *) и т. д. Противъ этого «идолопоклонства» передъ «мнѣніями» народа возставала другая часть интеллигенціи, впадавшая въ обратную крайность,—въ признаніи необходимости дѣйствовать во имя «интересовъ» народа, игнорируя его «мнѣнія», къ которымъ относились отрицательно, «за исключеніемъ нѣкоторыхъ экономическихъ традицій» (Русановъ).

Борьба между «идолопоклонниками» передъ мнѣніями народа и «соціальными педагогами» грозила опасностями раздѣленія общаго русла движенія...

Въ разгоравшуюся распрю не могъ не вмѣшаться Н. К. Михайловскій, котораго какъ «профана» дѣло, по его словамъ, интересовало «больше всего на свѣтѣ». Противъ «сентиментальнаго старичка»—Юзова-Каблица, выступилъ трезвый и холодный аналитикъ; противъ «лоскутничества» «Недѣли» — цѣльное и законченное міровоззрѣніе Михайловскаго, позволявшее «распредѣлять

---

*) „Соціалисты Запада и Россіи“; ст: „Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ“.

**) Тамъ-же.

свѣтъ и тѣни» въ народной жизни. Начинавшей расходиться въ своей дѣятельности соціалистической интеллигенціи, Н. К. напомнилъ объединяющее ихъ начало: для васъ одинаково «святы интересы народа». Эти интересы побуждаютъ, всматриваясь въ элементы народной жизни и психологіи, выдѣлять одни изъ нихъ, какъ соотвѣтствующіе, другіе отвергать, какъ противорѣчащіе этимъ интересамъ. Разбираться въ нихъ, аппелируя къ инстанціи «благъ жизни, какъ ихъ представляетъ себѣ самъ народъ» (Юзовъ-Каблицъ) — невозможно; ссылками на «психологическую подкладку» («Недѣля»)—вопросъ о служеніи народу не разрѣшается, такъ какъ: «элементы народной правды растутъ, какъ грибы, стихійно, по направленію наименьшаго сопротивленія, и на одной и той же полянкѣ можно найти съѣдобный грибъ и поганку».

Выдѣленіе шуйцы отъ десницы народной жизни, анализъ взаимоотношеній «мнѣній» и «интересовъ», опредѣленіе элементовъ обмѣна между соціалистической интеллигенціей и народомъ, представляетъ въ практической жизни большую сложность. Н. К. иронизируетъ надъ попытками упрощенія вопроса «Недѣли», въ статьяхъ П. Ч., исходящаго изъ положенія, что всякое міросозерцаніе состоитъ изъ моментовъ умственнаго и нравственнаго, предлагая дать народу умственное развитіе интеллигенціи и взять у него—нравственное. «Не всѣ наши «идеи»— отвѣчаетъ Михайловскій — мы имѣемъ право совать народу... нуженъ выборъ. Нуженъ выборъ и среди «нравственныхъ задатковъ» народа, потому что тамъ тоже всякое бываетъ»... («Записки профана», т. IV-й, стр. 774). Наряду съ высокими нравственными задатками имѣются на лицо и весьма непривлекательныя; послѣдніе не должно затушевывать, прикрашивать; ихъ необходимо признать и бороться за ихъ искорененіе, не насилуя сознательно выработанныхъ взглядовъ. «Служить народу не значитъ потакать его невѣжеству или прилаживаться

къ его предразсудкамъ», тѣмъ болѣе, что отказъ отъ своихъ мнѣній психологически, почти «физически» невозможенъ, и составляетъ онъ не подвигъ, а «дрянную трусость и лицемѣріе», отсутствіе уваженія къ собственной личности.

Съ большимъ подъемомъ, выразилъ Н. К.,—въ своемъ отвѣтѣ П. Ч.,—свое возмущеніе передъ отказомъ отъ своихъ мнѣній, приниженіемъ личности, ради идолопоклонства передъ предразсудками народа:

„У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ дорогъ; вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь, со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги,—я не покорюсь и людямъ деревни... я буду драться, если у меня не будутъ, разумѣется, связаны руки. И если бы меня даже осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, я все-таки сказалъ бы, по меньшей мѣрѣ: прости имъ, Боже истины и справедливости, они не знаютъ, что творятъ. Я все же, значитъ, протестовалъ бы. Я и самъ сумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь, но пока они мнѣ дороги и ими я не поступлюсь. Не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если это сложится, ихъ бытовымъ особенностямъ *).

Эта задача облегчалась тѣмъ, что «бытовыя особенности» народа нѣкоторыми сторонами совпадали съ сознательными идеалами соціалистическихъ работниковъ: «Въ нашъ идеалъ входитъ — говоритъ Н. К. — экономически-сильное, матеріально-самостоятельное крестьянство. И въ этомъ отношеніи, нашъ идеалъ совпадаетъ съ иде-

---

*) Собр. соч., т. III, стр. 692.

алами народа» *); болѣе того: въ народной психологіи имѣются элементы, которые должна воспринять соціалистическая интеллигенція, воспитавшаяся въ принципахъ bellum omnium contra omnes «культурныхъ» классовъ.

Этимъ исключается всякая возможность презрительнаго отношенія къ народу, взгляда свысока: «наша роль состоитъ не въ томъ только чтобы просвѣщать, а и въ томъ, чтобы просвѣщаться». А учиться есть чему... Народъ работаетъ — соціалистическая интеллигенція собирается расплачиваться за тунеядство; у перваго совѣсть чиста, «онъ никогда на чужой счетъ не жилъ» — интеллигенцію же мучитъ „долгъ"; она часто неспособна организованно вести общественное дѣло, «а у мужика міръ есть, артель есть» **)... (Собр. соч., III, стр. 776). Однимъ словомъ, у народа оказалося рядъ вещей до которыхъ интеллигенція не доросла, рядъ явленій въ области которыхъ она должна не только что благодѣтельствовать, а завидовать». «Безспорно, что у мужика есть чему поучиться, но есть и намъ что ему передать. И только изъ взаимодѣйствія его и нашего можетъ возникнуть вождѣленный періодъ русской исторіи». Ближайшей же задачей опредѣляется признаніе интересовъ народа цѣлью, во имя которой должны были прилагаться усилія къ сохраненію въ деревнѣ того, что имъ соотвѣтствуетъ и борьбы за уничтоженіе несоотвѣтствующаго, но не сознаваемаго народомъ, благодаря тому «что голосъ деревни часто противорѣчитъ собственнымъ интересамъ».

---

*) Собр. соч., т. V, стр. 449.

**) „Товарное хозяйство еще неуспѣло наложить своего рокового клейма на наше крестьянство — и въ этомъ его великое преимущество. Общинныя и артельныя привычки крѣпко срослись съ крестьянствомъ, создавая условія, благопріятствующія „единству и моральной связи". — Въ этихъ цитируемыхъ изъ книги Яковлева словахъ, Михайловскій усмотрѣлъ резюме нѣкоторыхъ главъ „Записокъ профана" (Собр. соч., III т., стр. 776).

Страстный призывъ Н. К. Михайловскаго говорилъ о глубинѣ его увѣренности:

«О, если бы я могъ утонуть, расплыться въ этой сѣрой грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала какой мнѣ удалось добыть на счетъ того же народа. О, если бы и вы всѣ, читатели, пришли къ тому же рѣшенію, особенно у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоти. Какая бы это вышла иллюминація и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собою! Нѣтъ равнаго ему въ исторіи». (Записки профана», т. IV, стр. 707).

---

* * *

„И я скажу: чувствуйте, но не думайте, что чувство избавляетъ васъ отъ обязанности правильно мыслить, особенно если вы хотите поучать другихъ“.

Н. К. Михайловскій.

«Слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа... но сердце и разумъ нашъ съ нимъ. Сердце *и* разумъ—подчеркивалъ Н. К.,—замѣтьте это сочетаніе».

Это сочетаніе, однако, не было принято соціалистической интеллигенціей; общая формула была расчленена: «умъ» *или* «чувство» признавались опредѣляющими факторами прогресса. Подъ этими прикровенными формами шла тяжба началъ «пропаганды» и «агитаціи», столкновеніе двухъ фракцій соціалистической интеллигенціи того времени—лавристовъ и бакунистовъ. Ихъ различіе опредѣлялось взглядами на задачи ближайшей дѣятельности по пути соціальной революціи. Лавристы *), признавали необходимость «подготовленія» революціи путемъ медленнаго и

*) П. Л. Лавровъ не раздѣлялъ односторонности своихъ „учениковъ“, превратившихся послѣдовательно въ культуръ-трегеровъ. Опредѣляя свои взгляды Лавровъ—пародируя слова Маркса,—могъ бы сказать: „во всякомъ случаѣ, я не лавристъ“.

постепеннаго перевоспитанія народныхъ массъ въ духѣ соціалистическаго идеала. Вся дѣятельность революціонера, по взглядамъ этой фракціи, должна была свестись къ пропагандѣ, въ результатѣ которой должна была создаться значительно численная часть народа, способная повести за собой остальную массу.

«Для васъ панацея отъ всѣхъ бѣдъ словоговореніе» (Степнякъ-Кравчинскій) — опредѣляли позицію лавристовъ ихъ противники изъ другого лагеря.

Бакунисты, въ противовѣсъ, констатировали въ народѣ наличность соціалистическаго сознанія, достаточно устойчиваго для того, чтобы произвести соціальную революцію; ея подготовку они признавали необходимымъ замѣнить ея «организаціей», которая должна была состоять въ непосредственныхъ дѣйствіяхъ, въ частичныхъ выступленіяхъ, въ созданіи благопріятныхъ условій для народныхъ возстаній въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Заразительной силой примѣра, агитаціонными средствами полагалось разрозненное движеніе слить въ всеобщее возстаніе—соціальную революцію. Эти положенія были выразительно формулированы въ письмѣ Сергѣя Кравчинскаго къ редактору журнала «Впередъ»—П. Л. Лаврову.

«Не идей не достаетъ народу. Всякій, кто много шатался по народу, скажетъ вамъ, что въ его головѣ совершенно зрѣлы основы «элементарнаго» (конечно, не научнаго) соціализма. Все что не достаетъ народу это *страсти*. Мы хотимъ непосредственнаго возстанія, *бунта*. Наша дѣятельность будетъ заключаться въ организаціи бунта»*).

Выразителемъ этихъ идей въ легальной литературѣ былъ уже упомянутый нами Юзовъ-Каблицъ, помѣстившій въ «Недѣлѣ» (№№ 6 и 7) статью: «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса». Выводъ статьи резюмировался въ словахъ: «самымъ важнымъ факторомъ прогресса является

---

*) Цит. по ст. Русанова: „П. Л. Лавровъ", стр. 246.

чувство». Практическія слѣдствія изъ установленнаго тезиса заключались въ признаніи необходимости, въ виду различій націй въ отношеніи любви къ независимости— побуждать къ «поступкамъ», внушаемымъ *чувствомъ* независимости. «Не распространеніе *идей.* (курс. нашъ Б. К.) независимости, а только *поступки* (курс. нашъ. Б. К.), внушаемые чувствомъ независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство»—такъ въ легальной литературѣ «сантиментальный старичокъ» формулировалъ взгляды бунтарей-бакунистовъ, вооружаясь противъ «ума», противъ «измышленій, придуманныхъ не сердцемъ (!), а выкрученныхъ изъ головы».

Защитникомъ идей «выкрученныхъ изъ головы» выступилъ Н. К. Михайловскій, заявившій рѣзкій протестъ противъ «нелѣпой тяжбы» ума и чувства. Вполнѣ признавая законность «чувства», одобряя «поступки», Н. К. указывалъ на возможность и необходимость ихъ совмѣщенія съ умомъ-пропагандой. «Логическая мысль не мѣшаетъ чувству, а напротивъ, помогаетъ ему». (Собр. соч. т. III стр. 793). «Хорошій поступокъ прекрасенъ и желателенъ— отвѣчаетъ онъ автору «ума и чувства, какъ факторовъ прогресса» — хорошее чувство тоже прекрасно и желательно, но предавать изъ за этого всесожженію мысль, знаніе, логику, «голову», «книжку» — отнюдь не приходится, это совсѣмъ не такія вещи, которыя не могутъ ужиться рядомъ» *). Отстаивая необходимость соціалистической пропаганды, воздѣйствія мысли, *какъ одного изъ средствъ* соціальной революціи, Николай Константиновичъ обращалъ вниманіе на то, что въ русскихъ условіяхъ, гдѣ соціалистическая оппозиція еще лишь формируется, гдѣ народъ, благодаря своей невѣжественности находится подъ обаяніемъ царскаго имени,—«подъ гнетомъ авторитета» — она особенно важна и необходима. Свою мысль,

*) Собр. соч. Т. т. III, стр. 774.

придравшись къ интересу возбужденному въ обществѣ взаимоотношеніями турокъ и болгаръ, онъ иллюстрируетъ примѣромъ. Дѣло идетъ о болгарахъ, находящихся подъ турецкимъ владычествомъ (турки, нужно полагать,—отечественные). Въ болгарахъ чувство независимости слабо, въ связи съ этимъ, не дѣлается и попытокъ освобожденія изъ подъ гнета. Является «горсть патріотовъ», убѣжденная, что только «поступками» болгары могутъ быть подняты къ возстанію. «Горсть патріотовъ можетъ сама совершать подобные поступки и не добиться ровно ничего, если въ массѣ болгарской націи чувство независимости слабо». Движеніе, *поднятое во имя народа*—указываетъ Н. К. — должно достигать своихъ цѣлей—*съ народомъ*.

«Сама нація должна совершать поступки» *). Это достигается распространеніемъ идей, широкой соціалистической пропагандой, «разъясненіемъ болгарской націи всего ужаса и позора ея положенія подъ магометанскимъ владычествомъ» **).

---

*) Собр. соч. Т. IV, стр. 544.
**) Тамъ же, стр. 545.

ГЛАВА V.

Протестуя противъ «нелѣпой тяжбы» «ума» и «чувства», неимѣющей «рѣшительно никакого raison d'être», противъ односторонности защитниковъ началъ «пропаганды» и «агитаціи» — лавристовъ и бакунистовъ, Н. К. Михайловскій не отрицалъ, какъ мы уже замѣчали, возможности, необходимости и цѣлесообразности активныхъ дѣйствій; не только не отрицалъ, но въ различное время указывалъ борющейся интеллигенціи на неизбѣжность самыхъ «рѣзкихъ формъ борьбы со зломъ»... Въ этомъ отношеніи, Н. К. сыгралъ большую роль при переходѣ соціалистической интеллигенціи отъ мирныхъ и легальныхъ формъ борьбы къ тѣмъ, которыя диктовались объективнымъ ходомъ вещей, что выдвигалось, какъ очередная историческая задача. То, что только созрѣвало въ рядахъ активно-борющейся интеллигенціи на грани 70-хъ и 80-хъ годовъ, что жило, какъ настроеніе, какъ предчувствіе, находило рѣзко-опредѣленную формулировку у Михайловскаго, толкая тѣмъ къ конечнымъ выводамъ, къ соотвѣтствующей реорганизаціи дѣйственныхъ силъ, въ цѣляхъ сознательной ихъ подготовки къ измѣняющимся условіямъ борьбы. «Тяжело жилось — пишетъ одинъ народникъ въ 1878 г.—всей партіи и каждому революціонеру въ отдѣльности. Всѣ чуяли, что фактически начинается какой-то поворотъ».

Этотъ поворотъ, переходъ отъ мирной къ боевой и

наступательной тактикѣ, совершился не сразу; медленно и постепенно подготовлялся онъ внѣшними условіями: политикой власти, непрерывно превращавшей «млеко любви» соціалистическихъ пропагандистовъ въ «желчь ненависти» партизановъ «Народной Воли».

Уже въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, въ созданіи организаціи якобинцевъ-набатовцевъ сказался скептицизмъ въ отношеніи возможности мирными средствами реализировать идеалы соціалистическихъ борцовъ; идея наступательно-политической борьбы явилась первымъ отголоскомъ неоправдавшейся надежды героевъ «хожденія въ народъ» достигнуть своихъ цѣлей законно-мирными путями... И если эти идеи «активныхъ дѣйствій», «поступковъ» въ 1874 году были выраженіемъ группы, стоявшей на «проселочныхъ путяхъ» движенія, то уже черезъ два-три года новая струя докатилась и до «большой дороги» общественнаго движенія, проявившись созданіемъ «дезорганизаторской группы» дѣятелей «Земли и Воли». Правда, за ней на первыхъ порахъ признавались только функціи защиты и охраны, задача пассивнаго сопротивленія; правда, «троглодиты» - деревенщики старательно пытались сузить и эти функціи, но съ каждымъ днемъ объективный ходъ вещей рѣзче выдвигалъ задачи мобилизаціи боевыхъ силъ, во исполненіе неизбѣжнаго: «боль за боль».

Вакханалія реакціи, ростъ репрессалій, рѣшительное пренебреженіе правовыхъ нормъ, полнѣйшее забвеніе формъ законности, ярко сказавшееся во время двухъ политическихъ процессовъ того времени—«52-хъ» и «193-хъ» (особенно на послѣднемъ)—медленно, но непрерывно накопляли раздраженіе и негодованіе въ рядахъ борющихся группъ. Аресты безъ соблюденія даже внѣшнихъ формъ законности, вслѣдъ за процессомъ В. Засуличъ; спеціальный судъ, административная ссылка даже оправданныхъ по суду явилось прологомъ, за которымъ должны были силой вещей начаться акты отвѣта и возмущенія. Кровавая стра-

ница была вписана... Товарищъ прокурора Котляревскій, жандармскій офицеръ Гейкингъ, шефъ жандармовъ Мезенцевъ оказались расплатой стихійно-разгорѣвшейся мести.

Говоримъ стихійно... Совершая политическія убійства, землевольцы разсматривали ихъ, отчасти, какъ актъ защиты, отчасти, какъ месть. Сторонники *наступательной* борьбы, насчитывавшіеся единицами, вызывали ревнивое подозрѣніе, а подчасъ и рѣшительное осужденіе консервативнаго большинства, неосмѣливавшагося свершить разрывъ съ мирными традиціями прошлаго. «Съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризмъ не имѣетъ ничего общаго»...; «террористы—это не болѣе, какъ охранительный отрядъ»... «Начать систематическую террористическую тактику—значитъ оставить свою прямую и постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной».

Однако, несмотря на всю опредѣленность этихъ заявленій, на категорически-твердый тонъ съ которымъ они дѣлались, было ясно, что первые шаги должны были фатально повести къ дальнѣйшимъ и volens-nolens создать новую полосу движенія. Офиціально-программыя положенія начинали слишкомъ рѣзко расходиться съ мыслями и чувствами рядовыхъ работниковъ; внутри группы чувствовался разладъ, недовольство; «чуяли, что фактически начинается какой-то поворотъ въ направленіи партіи».. То, что инстиктивно чувствовалось должно было получить сознательное выраженіе. Заслуга выясненія передъ борющейся интеллигенціей задачъ ближайшей борьбы принадлежитъ Н. К. Михайловскому, учителю поколѣнія 70-хъ годовъ.

Рѣшительный отвѣтъ на издѣвательства власти со стороны революціонно-соціалистической интеллигенціи, «людей высокой пробы», Н. К. выдвигаетъ дѣломъ чести и нравственнаго достоинства личности, ибо «есть вещи,

которыхъ именно нравственно-развитая личность не можетъ понять, не можетъ, значитъ, и простить» *).

Этимъ опредѣляется право «потребовать для унижающихъ каръ», отвѣтить «болью за боль», ударомъ на ударъ, какой *они* «роздаютъ направо и налѣво». Михайловскій иронизируетъ надъ теоріей, которая гласитъ, что мстительное чувство есть результатъ непониманія, что оно не можетъ имѣть мѣста при признаніи положенія, по которому все совершается въ силу строжайшей законосообразности и извѣстнаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій. «Понять значитъ простить—замѣчаетъ онъ—прекрасное и глубоко вѣрное изреченіе... но бѣда въ томъ,—насмѣшливо прибавляетъ онъ,—что на самомъ этомъ основаніи надо понять и простить, между прочимъ, чувство мести».

Отвѣтъ на насиліе насиліемъ, во имя возстановленія нарушеннаго права, чувство мести, вытекающее изъ сознанія нарушенной справедливости,—это оригинальное обоснованіе терроризма было дано Н. К. Михайловскимъ въ статьѣ, появившейся въ годъ террористическаго акта, совершеннаго Вѣрой Засуличъ. Воспользовавшись книгой Ренана «Dialogues et fragments philosophiques» и сопоставляя съ нимъ «Cursus der Philosophie» Дюринга, Н. К. въ 1878 г. написалъ свою, имѣвшую столь важное значеніе статью объ «Утопіи Ренана и теоріи автономіи личности Дюринга», въ которой, въ прикровенной, отвлеченно-теоретической формѣ, давались отвѣты на «проклятые вопросы»... Съ точки зрѣнія основной идеи статьи «терроризмъ находилъ эффектное философское обоснованіе» (Русановъ).

Важное значеніе статьи въ дѣлѣ формированія взглядовъ революціонной интеллигенціи, позволившее Н. С. Русанову утверждать, что «народовольчество возникло въ значительной степени «подъ знакомъ дюрингизма», по-

*) „Литературн. воспомин. и современная смута", I т., стр. 15.

буждаетъ насъ остановиться на ней съ нѣкоторой обстоятельностью. Въ интересующей насъ цѣли придется изъ всей совокупности идей содержащихся въ статьѣ выдѣлить тѣ, которыя опредѣляютъ отношеніе ея автора къ терроризму.

«Происхожденіе «справедливости» изъ чувства нормальной мести, мести за боль, за оскорбленіе, за попраніе человѣческаго достоинства, было именно тѣмъ пунктомъ ученія Дюринга, который всего болѣе интересовалъ Михайловскаго» *).

Излагая этическія возрѣнія Дюринга, дающія обоснованіе терроризму, Н. К. сопоставляетъ ихъ съ взглядами Ренана, видя въ двухъ этихъ теоріяхъ «два полюса современной нравственно-политической мысли». Становясь,—вмѣстѣ съ Дюрингомъ,—на одномъ ея полюсѣ отстаиванія суверенитета личности, Н. К. выбираетъ объектомъ своего нападенія, именно, Ренана въ силу того, что въ его «Утопіи» съ особенной обостренностью выразилось отрицательное отношеніе къ автономіи личности, что въ ней наиболѣе смѣло и послѣдовательно идея личности «заклана на алтарѣ нѣкотораго высшаго цѣлаго».

Резюме «Утопіи» Ренана дастъ возможность въ этомъ убѣдиться.

Въ книгѣ ведутъ діалоги нѣсколько философовъ по вопросу о судьбахъ человѣчества и вселенной. Выводы къ которымъ они приходятъ заключаются въ слѣдующемъ: Міръ имѣетъ свою таинственную, для людей непостижимую цѣль. Въ интересахъ ея осуществленія міръ, какъ цѣлое, эксплуатируетъ все частное и индивидуальное, въ томъ числѣ и человѣческую личность. Заставляя человѣка служить своимъ цѣлямъ, природа исполняетъ свою задачу съ маккіавелистическимъ искусствомъ, создавая въ человѣкѣ иллюзію, заставляющую его считать совершенно

*) „Былое“, 1907 г. Кн. III—„Политика Н. К. Михайловскаго“.

самостоятельной свою глубоко подчиненную роль. Въ дѣйствительности же, мы игрушки въ рукахъ высшаго эгоизма,—эгоизма природы. Люди рѣдко понимаютъ дѣйствительный, служебный характеръ своей жизненной роли; только нѣкоторымъ избраннымъ удается проникнуть въ хитроумные обманы природы. Для такихъ опредѣляются два пути: возмущеніе и покорность (представителемъ первой категоріи Ренанъ признаетъ—Шопенгауера; второй—Фихте). Возмутившіеся разбиваютъ цѣпи обмановъ, объявляютъ бунтъ, разрушая установленныя цѣнности: истину, добро, самопожертвованіе, любовь. Однако, такая революціонная дѣятельность преступна, ибо природа всесильна и смѣется надъ наивными попытками человѣка видѣть въ себѣ самоцѣль. Болѣе мудрымъ предстоитъ сознательная покорность; болѣе того: служеніе высшимъ задачамъ природы, помогая ей обманывать индивидовъ для міровой цѣли. Міровая же цѣль, по мнѣнію философовъ, можетъ состоять лишь въ господствѣ разума, въ образованіи существъ съ конденсированнымъ сознаніемъ. Ея цѣль заключается не въ томъ, чтобы истина была доступна всѣмъ, а въ томъ, чтобы ее познали избранные. Цѣли природы, такимъ образомъ, сводятся къ созданію великихъ людей, которымъ остальныя существа должны служить, находя въ этомъ свое счастье. Съ этой точки зрѣнія, друзья-философы протестуютъ противъ всеобщаго первоначальнаго образованія, ибо оно «можетъ сократить число готовыхъ на самопожертвованіе», демократію и проч. «Масса работаетъ, нѣкоторые исполняютъ за нее высшія функціи жизни»—вотъ идеальная картина человѣчества.

Въ этой «чудовищной утопіи», излагая которую Н. К., по его словамъ, приходилось «преодолѣвать чувство отвращенія и даже нѣкотораго ужаса за человѣческую мысль», не трудно усмотрѣть черты, свойственныя извѣстной части нравственно-политической литературы. Въ

этомъ эксцентричномъ построеніи, поглощеніе низшей индивидуальности высшею, лишеніе ея всякой самостоятельности, признаваемое за непреоборимый фактъ защитниками органической теоріи, признается не только фактомъ, но и благомъ, возводится въ идеалъ.

Признавая, въ извѣстной степени, развитіе общества по органическому типу, приводящее къ обособленію функцій, атрофированію у каждой отдѣльной группы индивидовъ присущихъ человѣку силъ и способностей, Н. К. Михайловскій отрицаетъ возможность построенія на этомъ основаніи этической теоріи самопожертвованія, провозглашаемой Ренаномъ. Отрицаніе это вытекаетъ изъ факта покоренія, «исключающаго всякія нравственныя отношенія». «Неприложима категорія нравственности къ отношеніямъ, возникающимъ изъ побѣды высшей индивидуальности надъ низшей»—говоритъ Н. К., ибо «никогда покоренный не впадаетъ въ экстазъ добровольнаго мученичества pour les beaux yeax покорившаго", на это способна свободная, хотя бы только субъективно-свободная, личность. Этическая теорія должна быть построена на другихъ началахъ. Если признать существованіе цѣлей природы, какъ нѣчто реальное, если допустить, что природа предписываетъ побѣду высшей индивидуальности надъ низшей, то этимъ все же не исключается, а наоборотъ, предписывается борьба и человѣческое противодѣйствіе, ибо „для человѣка немыслимо перерости самого себя, стать выше человѣческой точки зрѣнія". На этой „борьбѣ за индивидуальность" и должна быть построена этическая теорія. „Пусть реальное цѣлое вырабатываетъ свои нравственныя теоріи, пусть оно имъ слѣдуетъ, а мы люди будемъ вырабатывать свои. Очень вѣроятно, что эти два сорта теорій столкнутся враждебно. Тогда—чья возьметъ!".

«Дикая фантазія» Ренана получаетъ еще лучшее освѣщеніе при сопоставленіи ея съ этической теоріей Дюринга—ея антиподомъ. Если у Ренана все расчитано на

самоотверженіе и преданность низшаго въ пользу высшаго, то въ теоріи Дюринга и помину нѣтъ о какомъ либо цѣломъ, стоящимъ надъ личностью, воля которой равноцѣнна всякой другой волѣ. Въ одной теоріи требуется поступаться личнымъ наслажденіемъ и радоваться чужимъ счастьемъ, въ другой требуется подъемъ личной энергіи, стремленіе ко всей полнотѣ жизни. Въ одной—личность утопаетъ въ міровомъ цѣломъ; въ другой—«личная жизнь представляется единственно самодовлѣющей дѣйствительностью, которой весь міръ долженъ служить подножіемъ».

Отмѣчая, что теорія этики у Дюринга недостаточно опредѣленна, что его теорія автономіи личности стоитъ на довольно «шаткомъ основаніи» (хотя «подъ нее можно бы было подвести и другой болѣе прочный фундаментъ, не колебля самой постройки»), Н. К. сочувственно излагаетъ нѣкоторыя ея части, отвѣчающія на вопросы выдвигаемые русской жизнью, борьбой революціонно-соціалистическихъ группъ. «Месть, которой дышетъ Дюрингъ и терроръ, который онъ обѣщаетъ надругателямъ надъ достоинствомъ личности, есть какъ бы непосредственный отвѣтъ Ренану»—замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Н. К. Этотъ отвѣтъ дающій моральную санкцію терроризму вытекаетъ у Дюринга изъ признанія полной равноцѣнности двухъ соприкасающихся воль.

Нравственность — по Дюрингу — представляетъ равнодѣйствующую импульсивной и сознательной дѣятельности. Необходимо включая волевой моментъ нравственность можетъ имѣть мѣсто лишь въ людскихъ взаимоотношеніяхъ; «система нравственныхъ обязанностей покоится не на изолированности, а на взаимности между-личныхъ отношеній». Первымъ условіемъ ихъ гармоническаго сосуществованія является фактъ признанія естественнаго равенства двухъ соприкасающихся воль; только насиліе, въ той или иной формѣ, достигаетъ при-

знанія примата одной воли надъ другой, чѣмъ исключается какой либо нравственный элементъ. *Признаніе равноцѣнности чужой воли своей является, такимъ образомъ, основнымъ этическимъ закономъ, представляется исходнымъ пунктомъ справедливости.* «Воля единичнаго человѣка не будучи обязана подчиняться чужой волѣ, тѣмъ самымъ обязывается не подчинять себѣ волю другого человѣка». Изъ этого положенія, «единственно соотвѣтствующаго достоинству и свободѣ индивидуальной жизни» (Дюрингъ), вытекаетъ необходимость борьбы съ насиліемъ во имя осуществленія моральнаго закона, въ интересахъ возстановленія нарушенной справедливости. Оскорбленіе, обида, насиліе должны вызывать противодѣйствіе, выражающееся въ потребности возстановить оскорбленную волю и ея значеніе. «Съ такой же необходимостью, съ какой въ механикѣ слѣдуетъ другъ за другомъ паденіе и отраженіе, за обидой слѣдуетъ влеченіе къ мести»—говоритъ Дюрингъ. Этимъ противодѣйствіемъ нарушенія равноцѣнности воль въ между-личныхъ отношеніяхъ дѣло не ограничивается; индивидуальныя попытки возстановленія нарушеннаго права видоизмѣняются въ коллективныя усилія группъ.

Этими героическими усиліями бываютъ окрашены цѣлыя полосы исторической жизни, когда протестъ противъ беззаконія «поднимается точно изъ подъ земли, какъ призракъ, напоминающій, что есть сила болѣе глубоко заложенная, чѣмъ произвольныя ограниченія такъ называемаго права».

Освящая эту борьбу, вдохновляя ея партизановъ—соціалистическую интеллигенцію, знаменосецъ поколѣнія 70-хъ годовъ, Н. К. Михайловскій приглашаетъ открытыми глазами смотрѣть на развертывающійся ходъ событій, не бояться собственной мысли, «жить настоящимъ, бороться съ живымъ врагомъ».

Нужно отбросить ложныя представленія, которыя отнимаютъ энергію въ жизненно - необходимой борьбѣ.

«Бываютъ историческіе моменты—провозгласилъ Михайловскій,—когда даже благороднѣйшіе люди вынуждены борьбой съ представителями подобной смѣси («смѣси человѣка со скотомъ») прибѣгать къ жестокимъ средствамъ»... Подавляя чувство личнаго отвращенія, внушаемое жестокими средствами борьбы, необходимо во имя нравственнаго долга вести эту борьбу. «Зло существуетъ, съ нимъ надо бороться, бороться иногда жестокими, даже террористическими средствами»... «Разъ обида нанесена, разъ насиліе совершено, надо видѣть во врагѣ врага». И здѣсь оказывается позволительными и средства насилія, ибо онѣ являясь противодѣйствіемъ злу «не только ни малѣйше не противорѣчатъ основному нравственному закону, но составляютъ одну изъ его формъ». Чужая воля и здѣсь остается равноцѣнною, но ея извращенное и враждебное направленіе вызываетъ реакцію, «и если она подвергается насилію, то только пожинаетъ плоды своей собственной несправедливости». Съ насильниками забывшими законъ, право, справедливость, съ «обезчеловѣченной машиной» слѣдуетъ поступать сурово и рѣшительно, какъ «съ наносящими намъ вредъ орудіями—мы ихъ уничтожаемъ или какъ нибудь убираемъ съ дороги» *).

Признавъ морально допустимымъ и исторически необходимымъ требовать «боль за боль», указывая соціалистической интеллигенціи на этотъ путь, какъ неизбѣжный, Н. К. Михайловскій отстаивалъ необходимость приданія террору болѣе широкаго значенія, борясь противъ стремленія разсматривать это орудіе борьбы лишь какъ средство личнаго возмездія. Пророчески предсказывая, что «поймутъ это, когда пройдутъ первыя вспышки», Н. К., при самомъ зарожденіи указывалъ на необходимость видѣть въ террорѣ на ряду съ самозащитой орудіе политической борьбы: «Личныя раны съ теченіемъ вре-

*) Соб. Соч. Изд. 1909. г. т. III, стр. 233.

мени затянутся, оскорбительные образы... поблѣднѣютъ въ памяти, острая боль отъ личнаго оскорбленія утонетъ въ хронической боли отъ «пороковъ вѣка», въ борьбѣ съ которой страдальцы найдутъ единственно возможное для нихъ удовлетвореніе... Пусть тѣ именно... которые непосредственно исковеркали ихъ жизнь, останутся безнаказанными, или только въ малой степени ощутятъ боль. Но въ качествѣ частной мелочи, они вѣдь только развѣ презрѣніе заслуживаютъ, холоднаго, подавляющаго»... *)

Разсматривая, съ этой точки зрѣнія, террористическіе акты того времени—убійство Мезенцева, Гейкинга—Н. К. указывалъ, что не «эти ничтожества» мѣшаютъ дѣятельности революціонно-соціалистическихъ борцовъ, а весь политическій строй въ цѣломъ: «Нѣтъ, не Гейкингъ и Крапоткинъ должны быть убиты, а сама идея самодержавія» («Политическія письма соціалиста»—письмо II. «Народная Воля» № 3) **).

На ряду съ признаніемъ, такимъ образомъ, террористической тактики, у Н. К. Михайловскаго, какъ ея логическое дополненіе идетъ провозглашеніе политической борьбы—основной черты позднѣе сложившагося народовольчества.

---

*) Собр. Соч., т. V, стр. 526.

**) «Литература Народной Воли»—изд. «Донской Рѣчи».

* *
*

Его „широкое сердце умѣло ненавидѣть и политическое и экономическое рабство; его широкій умъ охватывалъ и принципъ политической свободы, и принципъ соціализма „Земли и Воли“.

Гроньяръ (Н. К. Михайловскій).

Медленно, съ большими усиліями и внутреннимъ надломомъ, съ долгими колебаніями и сомнѣніями, соціалистическая интеллигенція вступала на путь террора и политической борьбы, неизбѣжность которыхъ пророчески была предсказана Михайловскимъ (см.: «Летучій Листокъ», 1878 г.) *). Переоцѣнка во взглядахъ создавалась post factum, шла позади перемѣны фактическихъ методовъ борьбы; только фактически вспыхнувшая, стихійно разроставшаяся борьба влекла соціалистическую интеллигенцію къ конечнымъ выводамъ, къ признанію законности и ея цѣлесообразности, къ введенію ея въ программу и къ подготовкѣ силъ къ ея реализаціи.

Характерно отмѣтить, что только за годъ до провозглашенія политической дѣятельности большинствомъ рево-

---

*) См. перепечатку въ брош. В. Чернова: «Памяти Н. К. Михайловскаго», стр. 56.

люціонныхъ силъ, въ 1878 году отрицаніе «политики» было въ такой мѣрѣ сильно и распространенно, что предложеніе Валеріана Осинскаго о включеніи въ программу политическаго элемента вызвало «цѣлую бурю», сплотивъ лишь незначительную группу сочувствующихъ среди численно-подавляющей оппозиціи.

«Деревенщики—описываетъ засѣданіе землевольцевъ Аптекманъ—рѣзко протестовали противъ этого предложенія... предостерегали отъ излишняго увлеченія этимъ скользкимъ путемъ, который можетъ сдѣлаться источникомъ весьма серьезныхъ замѣшательствъ... Пренія по этому поводу были продолжительны и очень горячи. И предложеніе Валеріана было отвергнуто громаднымъ большинствомъ».

Если вспомнить тѣ условія среди которыхъ приходилось дѣйствовать землевольцамъ: препятствія при устройствѣ поселеній, безукоризненно-поставленный шпіонажъ, необходимость, въ связи съ этимъ, частыхъ переѣздовъ съ мѣста на мѣсто, въ результатѣ чего широкая соціалистическая работа замыкалась въ культуръ-трегерство, въ просвѣтительно-филантропическую дѣятельность,—то стойкость и твердость въ отрицаніи «политики» выступитъ съ особенной наглядностью. Этотъ аполитизмъ въ возрѣніяхъ землевольцевъ, опредѣлившійся всѣмъ ходомъ русскаго соціалистическаго движенія, его глубоко-идеалистическимъ характеромъ, укрѣплялся еще рядомъ теоретическихъ посылокъ, дававшихъ санкцію этимъ тенденціямъ.

Н. К. Михайловскому принадлежитъ блестящая заслуга разрушенія установившихся ложныхъ возрѣній на «политику», разрушенія этого «жупела», оздоровленія соціалистической мысли отъ заразы «политическаго непотизма, выгоднаго только врагамъ народа».

Чѣмъ же опредѣлялось зараженіе этой болѣзнью «достойнѣйшихъ людей, соли русской земли»?

Аргументы выставлялись ad rationem и ad utilitatem.

Указывалось, что принципъ политической свободы не можетъ внушать къ себѣ довѣрія, что въ достаточной мѣрѣ онъ скомпрометированъ исторіей Запада. Великая французская революція—указывалось,—съ успѣхомъ выполнившая свою политическую миссію, замѣнила привилегію рожденія привилегіей богатства. Конституціонный режимъ, нисколько не улучшивъ положенія народныхъ массъ, послужилъ лишь къ усиленію и укрѣпленію буржуазіи, предоставивъ подъ покровомъ формальной политической свободы безпредѣльную экономическую власть надъ рабочимъ классомъ. *Политическая свобода и выгода буржуазіи связывались, такимъ образомъ, знакомъ равенства.*

Перенося данное построеніе мысли къ русскимъ условіямъ, придавая установленному «закону» универсальное значеніе, революціонно-соціалистическая интеллигенція приходила къ первому своему выводу: политическая свобода и въ Россіи послужитъ единственно къ вящшей выгодѣ буржуазіи. Борьба, такимъ образомъ, противъ русскаго деспотизма во имя политической свободы, должна разсматриваться, какъ измѣна народному дѣлу, или въ лучшемъ случаѣ, какъ близорукая наивность. Отсюда и слово «конституціоналистъ» пріобрѣтало въ то время насмѣшливый и чуть ли не презрительный смыслъ. Свершеніе политической революціи дѣло буржуазіи; соціалисты, игнорируя эту задачу, должны стремиться къ соціальному перевороту, который одновременно съ уничтоженіемъ экономическаго рабства осуществитъ и задачи демократіи.

Далѣе, слѣдовалъ аргументъ ad utilitatem: Въ экономической жизни Россіи наблюдаются черты рѣзко-отличныя отъ Запада, черты въ силу которыхъ формула соціализма въ Россіи получаетъ спеціальный отпечатокъ; отсутствіе «фанатизма частной собственности», община съ ея практикой уравнительнаго землепользованія, трудовыя возрѣнія—характерныя особенности, способныя послужить опорой соціалистическаго строительства. Ихъ должно бережно охра-

нять. Въ связи съ этимъ, вставалъ вопросъ: въ интересахъ сохраненія этихъ началъ, что является выгоднѣе,—буржуазный конституціонализмъ или отечественный монархизмъ, въ извѣстной степени стоящій «надъ классами»? Въ Западной Европѣ, параллельно съ укрѣпленіемъ буржуазнаго конституціонализма, безостановочно шелъ процессъ распада элементовъ выгодныхъ осуществленію соціализма: раздробленіе общиннаго землеустройства, ростъ частнаго землевладѣнія, выработка и укрѣпленіе буржуазныхъ чертъ въ психологіи крестьянства. Гдѣ гарантіи что этотъ процессъ не воспроизведетъ политическая революція въ Россіи, тѣсно связанная съ укрѣпленіемъ буржуазіи? Не вырветъ ли и въ Россіи буржуазно-конституціонный режимъ здоровыхъ побѣговъ, эмбріоновъ соціалистическаго строя?

По аналогическому методу перенесенія вопросъ рѣшался положительно. Отсюда вытекала необходимость отказа отъ борьбы съ абсолютизмомъ, какъ наименьшимъ зломъ—«вѣроломная покатость», по опредѣленію Михайловскаго. Такимъ образомъ, политическая борьба не въ силахъ явить положительно-цѣнныя начала для народныхъ массъ, имѣя однако шансы взвалить на плечи народа новый, еще болѣе тяжелый гнетъ... Послѣдняго обстоятельства было достаточно, принимая во вниманіе этическій характеръ движенія 70-хъ годовъ, для того чтобы отказаться отъ мысли о политической свободѣ.

Мотивы, лежавшіе въ основѣ этихъ взглядовъ, подверглись рѣзкой критикѣ Н. К. Михайловскаго, включившаго уже во второй половинѣ 70-хъ годовъ «политику» въ свое міровозрѣніе и мужественно защищавшаго свои положенія, шедшія въ разрѣзъ съ общими настроеніями и взглядами.

Слѣдуя шагъ за шагомъ за глубокой и оригинальной для своего времени аргументаціей Н. К., мы будемъ присутствовать при актахъ крушенія застарѣлыхъ предраз-

судковъ передъ побѣдной силой строгой и неуклонной логики...

Съ полной рѣшительностью политическая борьба была провозглашена Н. К. вслѣдъ за процессомъ Вѣры Засуличъ, послѣ котораго «между правительствомъ и обществомъ легла пропасть». Въ прокламаціи «Летучій Листокъ», написанной Н. К. Михайловскимъ въ 1878 г., былъ выставленъ лозунгъ: «*Общественное дѣло должно быть передано въ общественныя руки*» *). Тоже требованіе, въ прикровенной формѣ, было выставлено Н. К. въ легальной литературѣ, въ статьѣ «вызвавшей безконечныя комментаріи» (Русановъ), написанной 2 года спустя: мы «прежде всего,—формулировалъ на эзоповскомъ языкѣ Н. К. свое требованіе,—желали бы видѣть всю Россію, опоясанной шарфомъ административной неприкосновенности». Выдвигая свое требованіе въ подъ-и надъ-польной литературѣ, Михайловскій одинаково горячо и страстно призывалъ интеллигенцію оставить сухое доктринерство, не жертвовать интересами текущей борьбы, настаивая на необходимости «обнять одной ненавистью государственное и приватное хищничество», отбросивъ упрямо-затверженный теоретическій выводъ, которому «противорѣчитъ вся практика». Сознанное противорѣчіе практики теоретическому выводу заключалось въ томъ обстоятельствѣ, что теоретическая возможность особаго пути экономическаго развитія въ Россіи обращалась, ходомъ вещей, въ «простую иллюзію», благодаря «всемогуществу братскаго союза мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ»; въ связи съ этимъ «отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права»—политической свободы—теряло всякій

---

*) Наряду съ выставленіемъ политическаго требованія «конституціи, земскаго собора», прокламація предвѣщала, въ случаѣ его невыполненія, возникновеніе «*Тайнаго Комитета Общественной Безопасности*», воплотившемся спустя одинъ годъ въ грозномъ «Исполнительномъ Комитетѣ Народной Воли».

смыслъ. «Очевидно, никому—писалъ Н. К.—отъ этого отреченія ни тепло, ни холодно, кромѣ отрекающихся, которымъ холодно и всемогущаго братскаго союза, которому тепло... Да, ему тепло—и въ этомъ корень вещей» *).

Первую рѣшительную попытку обнаруженія этого «корня вещей», Н. К. сдѣлалъ въ «Первомъ письмѣ соціалиста» (1879 г.). Здѣсь онъ начинаетъ критическую работу разрушенія теоретическихъ предразсудковъ. Изложивъ доводъ соціалистической интеллигенціи о выгодѣ политической свободы для русской буржуазіи, Михайловскій указываетъ, что до извѣстнаго этапа буржуазія не нуждается въ политической свободѣ, наоборотъ, «въ іерархической эманаціи самодержавія», она находитъ себѣ лучшую поддержку: «европейской буржуазіи самодержавіе помѣха, нашей буржуазіи она—опора» **)

Эта же мысль—центральный аргументъ—была подробнѣе развита въ 1881 г., когда придравшись къ спорамъ, поднятымъ въ литературѣ по вопросу объ интеллигенціи, въ своемъ отвѣтѣ А. Суворину, Н. К., анализируя взаимоотношенія буржуазіи и «интеллигенціи», высказываетъ свои политическія воззрѣнія. Устанавливая «всеобщую коренную» черту буржуазіи: «буржуазія есть классъ людей, непосредственно не работающихъ, а имѣющихъ для того наемниковъ и владѣющихъ орудіями производства», ея суть, заключающуюся въ спеціальной роли «лишенія народа хозяйственной самостоятельности»,—Н. К. указываетъ, что за этими свойствами типъ буржуазіи можетъ отличаться крайнимъ разнообразіемъ. Эти различія могутъ, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста, сказываться, и дѣйствительно сказываются, въ нравственныхъ представленіяхъ, въ политическихъ стремленіяхъ, во вкусахъ,

---

*) Собр. соч. Т. IV, «Лит. и Журн. Замѣтки 1880 г.».

**) «Первое письмо соціалиста»—«Народная Воля» № 3. „Литература Народной Воли“, изд., „Донской Рѣчи“.

нравахъ, обычаяхъ, словомъ, во всемъ складѣ жизни. Буржуазія, въ связи съ этимъ, можетъ «рваться къ свободѣ или прятаться подъ крылышко власти», «домогаться свободы или гнать ее». Характеризуя западно-европейскую буржуазію временъ Великой французской революціи въ цѣломъ, какъ сословіе, и въ лицѣ ея лучшихъ представителей, Михайловскій указываетъ, что она нуждалась въ свободѣ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, и вела энергичную борьбу за ея осуществленіе. Она была: «носительницей высокихъ идеаловъ свободы... борцомъ за оскорбленное въ ея собственномъ лицѣ человѣчество». Эта роль, создавшая энергическую, просвѣщенную дѣятельность буржуазіи, находила себѣ объясненіе въ тѣхъ историческихъ условіяхъ въ которыхъ шла организація, сплоченіе «третьяго сословія», неотложные интересы котораго диктовали необходимость разрушенія наслѣдій феодализма и провозглашенія политической свободы, какъ частичнаго осуществленія принципа либерализма: laisser faire, laisser passer. Но эта мужественная борьба за политическую свободу, эти «высокія качества»,—замѣчаетъ Михайловскій, были «акциденціей, а не «субстанціей», относительнымъ и временнымъ явленіемъ; въ такой же мѣрѣ, какъ относительнымъ и временнымъ для русской буржуазіи является отсутствіи потребности въ политической свободѣ, которая можетъ скоро почувствоваться буржуазіей «оперившейся». И этотъ пунктъ своего разсужденія Н. К. подчеркивалъ съ особеннымъ стараніемъ.

Русской буржуазіи пока—убѣждалъ онъ—политическая свобода не нужна; болѣе того: она враждебна (буржуазія) всѣмъ этимъ «прекраснымъ вещамъ и сопредѣльными съ ними». Наша буржуазія, писалъ Н. К., *), «нашъ капитализмъ въ настоящую минуту нуждается не въ свободѣ, а напротивъ, въ привилегіи, покровительствѣ, регла-

*) Собр. соч., Т. V. «Записки Современника (1881—82 г.)».

ментаціи, правительственныхъ гарантіяхъ. А не нуждаясь въ свободѣ вообще, она всего менѣе нуждается въ свободѣ мысли и слова». Буржуазія, иронически замѣчаетъ Н. К., нуждается въ свободѣ поскольку она можетъ послужить украшеніемъ стиля и снабдить лишнимъ аргументомъ, представить практическое удобство; когда, напр., зайдетъ рѣчь о свободѣ крестьянъ... отъ земли, «можно сослаться на идеи вѣка»...

Но если буржуазіи не нужна политическая свобода, то она существенно-необходима для соціалистическихъ дѣятелей, ибо при ея отсутствіи «интеллигенція» безсильна выполнить задачу для нея «обязательную логически».

И Михайловскій горячо нападалъ на тенденцію «оставить зданіе недостроеннымъ», на отрицаніе борьбы за конституціонный режимъ, бичуя одновременно славянофиловъ, проповѣдывающихъ о «ничтожествѣ внѣшнихъ вещей», «учрежденій» и необходимости сосредоточиться исключительно на изысканіи «себя въ себѣ»,—и народническую интеллигенцію.

«Политическая свобода—писалъ онъ—безсильна измѣнить взаимныя отношенія наличныхъ силъ въ средѣ самого общества, она можетъ только обнаружить ихъ, вывести на всеобщее позорище, и вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, придать большую яркость, обострить эти отношенія»; и тѣмъ облегчить условія борьбы интеллигенціи, увеличить шансы соціалистической работы,—высказывалъ Н. К. характерныя воззрѣнія народовольчества. Предъявляя въ требованіи политической свободы положительно-цѣнный для конечныхъ идеаловъ соціализма моментъ, Н. К. предлагалъ говорящимъ, что «реформы нынѣшняго царствованія должны быть пріостановлены въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи», указать тотъ плюсъ и минусъ, которые могутъ явиться результатомъ пріостановки.

Мы видѣли тотъ минусъ, который предъявлялся частью народнической интеллигенціи: конституціонный режимъ

долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, принести съ собой иго буржуазіи, въ связи съ чѣмъ полагался процессъ распаденія самобытныхъ экономическихъ задатковъ.

Въ отвѣтѣ, *догматическое народничество* получило отпоръ со стороны *критическаго народничества* Н. К. Михайловскаго.

«Оглянитесь — писалъ Н. К. въ 1879 году — это иго (буржуазіи) уже лежитъ надъ Россіей... Происходитъ кипучая работа набиванія бездонныхъ приватныхъ кармановъ жадными приватными руками»... (2-е «Письмо Соціалиста»).

Честно и трезво оглядѣться вокругъ себя предлагалъ интеллигенціи Н. К., чтобы не очутиться въ «очень трагическомъ или комическомъ положеніи».

«Оскорбительно, *), горько представить себѣ русскаго человѣка, молящагося о минованіи чаши и, въ это же самое время, помимо воли и сознанія пьющаго изъ этой самой чаши. Оскорбительно-смѣшно представить себѣ русскаго человѣка, пьющаго изъ той же чаши, но съ комической надменностью размахивающаго картоннымъ мечомъ и увѣряющаго, что онъ гарантированъ отъ европейскихъ язвъ. Осмотритесь... Индѣ въ зародышѣ, а индѣ даже въ преувеличенномъ видѣ подъ сѣнью нашего недостроеннаго зданія разростается многое европейское».

Съ неумолимой силой анализа изслѣдуя слагающіяся общественныя группировки, Н. К. указывалъ на элементы въ которыхъ должно видѣть центръ тяжести русской буржуазіи. Этотъ центръ тяжести усматривался не въ средѣ финансистовъ, крупныхъ желѣзно-дорожныхъ дѣльцовъ и промышленныхъ предпринимателей; не они должны были явиться опредѣлителями судебъ Россіи при ея вступленіи въ буржуазно-капиталистическій фазисъ. Съ отличающей его смѣлостью, Н. К. указывалъ на процессъ

*) Собр. соч. Т. IV. „Лит. и Журн. Замѣтки 1880 г.“

дифференціаціи крестьянства, на выдѣленіе изъ его нѣдръ истиннаго ядра буржуазіи—Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, сильныхъ своимъ «несмѣтнымъ множествомъ» и «родственностью съ народной массой». «Колупаевы и Разуваевы — страшная сила и, конечно, чисто-буржуазная, въ самомъ полномъ и точномъ значеніи слова» *). И только близорукіе или умышленно-закрывающіе глаза люди способны не замѣчать усиленія буржуазныхъ началъ подъ горностаевой мантіей монархизма. «Въ отношеніи аппетита... и фактическаго могущества, нашъ союзъ правительства и буржуазіи никакимъ европейскимъ не уступитъ».

Послѣднимъ замѣчаніемъ Н. К. подходилъ къ ошибочному воззрѣнію по которому русскій монархизмъ, стоящій, яко-бы, въ извѣстной степени, «надъ классами» выгоднѣе конституціоннаго строя, при которомъ буржуазія сумѣетъ сплотиться... Въ разъясненіе этого вопроса Михайловскій останавливается на изложеніи теоріи политическаго мыслителя Лоренца Штейна въ трудѣ г. Блока: «Государственная власть въ европейскомъ обществѣ». («Дѣло, вообще, не въ г. Блокѣ»,—наводяще замѣчаетъ Н. К.). Признавая, что въ конституціонномъ строѣ представительныя учрежденія отражаютъ «соотношеніе реальныхъ силъ», интересы классовъ, Л. Штейнъ отмѣчаетъ, что при данныхъ экономическихъ условіяхъ политическій центръ тяжести перемѣщается къ имущимъ классамъ. Противовѣсъ такому положенію дѣлъ Л. Штейнъ видитъ въ государствѣ, или конкретнѣе, въ лицѣ монархической власти и должностныхъ лицъ, являющихся «естественными носителями государственной идеи». Эта же идея состоитъ въ наличности начала, стоящаго выше классовыхъ и сословныхъ вожделѣній, способнаго подчинить частный интересъ—«общимъ цѣлямъ». Въ интересахъ этихъ «общихъ цѣлей», монархическая власть, выразитъ

*) Собр. соч. Т. V. „Записки Современника“ (1881—82 г.).

ввѣренное ей государственное верховенство въ возвышеніи низшаго, соціально-и политически-порабощеннаго класса, противъ притязаній классовъ господствующихъ.

Не останавливаясь долго на опроверженіи данной теоріи власти («опровергнуть которую не трудно»), Михайловскій замѣчаетъ что, «власть не можетъ быть такъ изолирована отъ вліянія имущихъ классовъ, какъ это требуетъ теорія Штейна».

Въ видѣ практическаго вывода изъ анализа теоріи, Михайловскій указываетъ на необходимость «свободной мысли и сообразно ея указаніямъ и подъ ея контролемъ правительственное вмѣшательство, въ видахъ удовлетворенія массъ», замѣчая, что «въ недалекомъ будущемъ выживетъ та комбинація общественныхъ и политическихъ силъ, которая въ большей или меньшей мѣрѣ удовлетворитъ массы».

Послѣднюю мысль, въ характеристикѣ политическихъ возрѣній Н. К. Михайловскаго, должно особенно подчеркнуть; она же составляетъ и важную черту въ политической программѣ народовольчества, ярко выраженную ея «неофиціальнымъ идеологомъ». Неустанно и энергично пропагандируя мысль о борьбѣ за политически-свободный режимъ, Н. К. Михайловскій никогда не переоцѣнивалъ политическую свободу (въ полномъ соотвѣтствіи съ «Народной Волей»), разсматривая конституціонный режимъ, какъ ближайшую цѣль, вѣрнѣе какъ средство къ конечнымъ идеаламъ соціалистическаго движенія (черезъ политическое къ соціальному). «Конституціонный режимъ не рѣшаетъ тяжбы труда съ капиталомъ, не устраняетъ вѣковой несправедливости присвоенія чужого труда, напротивъ, облегчаетъ ея дальнѣйшій ростъ», писалъ Н. К. въ одномъ изъ номеровъ «Народной Воли»; «политическая свобода безсильна измѣнить взаимныя отношенія наличныхъ силъ въ средѣ самого общества»,—отмѣчалъ онъ въ цитированной нами статьѣ 1880 г.

Изъ этого положенія вытекала для Н. К. необходимость связать политическія реформы съ соціальными преобразованіями, обязательность двойственной формулы «Земли и Воли», отвѣчающей одновременно «народнымъ идеаламъ и голосу высшей справедливости и практическимъ требованіямъ истиннаго непризрачнаго осуществленія самой воли». И обращая вниманіе соціалистической интеллигенціи на то, что «новая эра очень скоро обветшаетъ, если народу отъ нея не будетъ ни тепло ни холодно», Михайловскій указывалъ на періодически-повторющееся въ Европѣ «странное круговращеніе», въ силу котораго политическая свобода, завоеванная цѣной героическихъ усилій и цѣлаго океана крови, утрачивалась, чтобы со страшными усиліями снова подняться и снова упасть. Подобный «томительный круговоротъ» находилъ себѣ, по мнѣнію Н. К., объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что политическая свобода не была связана съ дѣйствительными реальными выгодами для народа, который поэтому «хладнокровно, а иногда и даже сочувственно смотрѣлъ, какъ богиня свободы шаталась и падала со своего пьедестала».

Этимъ намѣчался урокъ для Россіи, для дѣятельности революціонно-соціалистическихъ силъ, которымъ Н. К. неутомимо ставилъ на видъ указанный опытъ:

«Только тотъ политическій строй окажется непоколебимымъ, который не шарлатански, какъ это не разъ случалось въ Европѣ, а искренно и честно заинтересуетъ милліоны»; только этимъ исключается возможнсстъ того, что народная масса поможетъ «разорвать хартію воли». «Куда бы вы не направилъ, въ частности, вашу борьбу практическій ходъ жизни этотъ девизъ («Земля и Воля») долженъ быть всегда вашимъ,—резюмировалъ Н. К. свои взгляды въ «Народной Волѣ» *).

*) Въ свѣтѣ изложенныхъ взглядовъ идеолога «Народной Воли» прекрасно выступаетъ правдивость «отказавшихся отъ наслѣд-

Такова была позиція, занятая «неофиціальнымъ идеологомъ» «Народной Воли»—Н. К. Михайловскимъ, въ одинъ изъ самыхъ сложныхъ и отвѣтственныхъ моментовъ революціонно-соціалистической дѣятельности; позиція, на которую послѣ нѣсколькихъ лѣтъ броженія, послѣ строгаго пересмотра своего міросозерцанія за своимъ знаменосцемъ, стало соціалистическое поколѣніе на грани 70-хъ и 80-хъ годовъ...

Стало, чтобы вписать одну изъ самыхъ блестящихъ и героическихъ страницъ въ исторію русскаго общественнаго движенія...

8—20 янв. 1909 г.

ства» марксистовъ, исключившихъ народовольцевъ изъ рядовъ соціалистовъ, заявившихъ что партія «Народной Воли» представляла кучку *«буржуазныхъ* революціонеровъ» (см. брош. Тарасова: «Эволюція соціалистической мысли», изд. «Зарница»—Н. Новгород.)», вся дѣятельность которыхъ среди народа сводилась съ вербовкѣ отдѣльныхъ лицъ для террористической тактики. По этому поводу см. также нашу статью: «Программа для изученія общественнаго движенія въ Россіи» («За книжкой», библ. журналъ 1906 г., кн. 7. Н. Новгород.)

